

СМЕНА

№ 14, (916)

июль 1965

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ДИСКУС-СИОННЫЙ КЛУБ „СМЕНЫ“

М. КАРЕТНИКОВА

ИЗ УЗКОГО КРУГА...

«А кто не знал любовь, тот все равно, что не жил...»

МОЛЬБ

I. МАЯТА БЕЗ ЛЮБВИ

Они все талантливые ребята. И не только это. Они правдивые и ищут правду не на поверхности жизни, но пытаются обнять самое трудноуловимое — то чувственное отношение к действительности, которое определяет поведение, поступки, мысли героев — современной молодежи. Это можно было бы себе представить так. Молодежь, как всегда, осваивает мир, уже созданный до нее. Не они защищали страну от фашизма, но зато с колыбели ощущают сотрясение эхо не спохватившей земли. Не они усилием воли и физических сил сделали тот рынок, который за небыло короткий срок поставил нашу страну в число ведущих держав мира, но они с рождения попали в ее напряженный ритм и другого не знают.

Их жизнь, их любовь — один из вернейших показателей духовного состояния и развития общества. Как любят они, эти 15—20—25-летние? Об этом написали ты, о рассказчик которых мы спорим. И я верю им. Верю не потому, что уже очень здорово написано, хотя мне и нравится этот современный стиль, угловатый и провозительный, с недосказанностями, с простором для воображения читателя, лаконичный и сухой, будто выжженный страстью, тащущий под словами... Верю именно этой страстью. Что ж, многие рассказы после, например, гадлинского покажутся пресными. Да, вот с него и начнем.

Первое, что делает автор (А. Гладилин «Два года до весны»), — он создает ощущение бешеного ритма, в котором жил его герой до начала рассказа. «Мы, как проливаем... сидели над учебниками. Мы читали в подлиннике нужную нам английскую литературу. Мы сутками пропадали в тексты учреждений, куда нас звали работать. Я полгода спал по четыре часа в сутках... Но вот вдруг эта гонимая обрывается: стоп, целый месяц вынужденного безделья, месяц пустого времени. И мы видим одну досаду, недоумение и, больше того, почти бестолковость первой, этих путных временем. Психологически это оправдано тем, что герой не может начать новую работу, пока не примут его старую, что он не просто живет в городе И., а живет в ожидании. Кроме того, из глухих намеков становится известно, что безделье ему сейчас особенно нестерпимо. Итак, как по утраченной девушке и толмечению ожидания — вот та нравственная атмосфера, в которую мы входим вместе с героем, воспринимаем все происходящее его глазами, подходим ко всему именно с этим душевным настроением.

Это типичная для определенного круга произведений манера повествования, когда рассказывается о внешних событиях и фактах, а между тем читателя продолжает перемывать при этом ту напряженную ситуацию, которая была предложена ему автором, и в результате автор заставляет читателя самого додумать и дочувствовать за героя, сам же ограничивается лишь намеком. Эта манера рассказа подразумевает полное взаимопонимание рассказчика и читателя: «т. е. более отрицательного настроения, чем в ту осень, у меня давно не было», — начинается он, будто продолжая разговор и вполне явно доверяя, что поймете его с полуслова.

Сегодня журнал открывает на своих страницах «Дискуссионный клуб «Смены». В этом клубе будут встречаться люди самых разных профессий, высказывать своим, пусть и спорные, взгляды на различные вопросы, которые в наши дни волнуют советскую молодежь.

Первую встречу в «Дискуссионном клубе» мы начинаем разговором о любви. За последнее время в центральные издания опубликован ряд рассказов и повестей молодой советских писателей, посвященных этой большой теме. Среди них «Папа, сплоти!» («Новый мир», № 7, 1962 г.) и «Сорпризы» (СБ. «Катapulta», 1964 г.) Василия Аксенова, «Два года до весны» Анатолия Гладилина («Смена», № 22, 1964 г.), «Иртурмей» Михаила Рошина («Молодая гвардия», № 7, 1964 г.), «На вырубках» Георгия Семенова («Лит. Россия», 6 августа 1963 г.), «Тебе вручаю» Леонида Жуховицкого («Смена», № 1, 1965 г.). Эти рассказы привлекли к себе пристальное внимание читателей и критики, вызвали разноречивые мнения, споры. В нашем разговоре о любви принимают участие молодые критики М. Каретникова, А. Горловский, Г. Митин, И. Солюева.

Покажите, о чем он думал, когда целый день ходил один по городу, почему ему вдруг так тошно стало на университетском вечере, поймите всю историю его странных отношений с Риммой, — сам он ни о чем этом рассказывать не будет, хотя именно это и есть предмет его рассказа. И даже на заключительный вопрос, что с ним происходит и почему ему так плохо, искать ответ предостается нам. Ну что ж!

В самом деле, почему ему так плохо? Потому что, как показал А. Гладилин, новый роман разыгрался у героя не на остывшем еще пепелище предшдущего, Римма появилась в его жизни слишком рано, впрочем, позже она не наев, возманила, и не обратила бы своего благосклонного внимания, если так можно назвать то виртуозное бичивание ее самолюбия, в котором он изощряется с помощью которого достигает неожиданного результата: девушка президано, безнаданно, мучительно привязывается к нему, то ли угавая его току и помаяла его, то ли пытаясь выскать реваны за уязвленное самолюбие и вступить с ним в любовное единорство, где главным оружие женщины — мягкость и нежная податливость.

На университетском вечере к двум основным нотам подтекста рассказа — ожидания и тоски — присоединяется третья, и, на мой взгляд, самая главная, хоть и не выделенная автором. До сих пор мы в общем-то существовали герою, хоть и не очень одобряя его игру с Риммой, в самом деле, кому не приходилось столько-то дней своей жизни проводить в ожидании решения, зависящего от тебя, или же тосковать по ушедшему другу, с которым тебя еще много связывает. Но вот третья нота придает иное звучание всему рассказу. Герой, ставший уже «генералом» в глазах Риммы, с какой-то особой горечью воспринимает всеобщее студента. Здесь дело не только в том, что аж чудом пиру помельше. Нет, он чувствует себя все знающим, все испытавшим, опытным и могущим

звестии с собою самую красивую девушку, — но ведь все это не естественно, у него ощущение, что это уже тысячу раз было.

Подобное же чувство неудовлетворенности, духовного голода при встрече со старой студентской женщиной испытывает и герой рассказа Василия Аксенова «Сорпризы». Мир не встретившись с друзьями студентскими лет, он не расстается с ними ничем из пережитого, что свидетельствует той прохлады, которая уже незначима между годами немалым телесное студентства и зрелости. Это непереходит, что ощущает человек, когда бесцельные отношения ранней молодости теряют свою привлекательность, а сердце требует не измеримо большего, чем павлобратство...

В драматическом рассказе В. Аксенова сопоставлены две контрастные области жизни героя — его прошлое и настоящее, у Гладилина же не выданы этой новой среды, не выданы, чем же питается он сейчас. За восемь лет, прошедших со дня окончания института, он не выработал себе новых принципов, новых взглядов на его отношения с Риммой. Легкомысленно его отношение с Риммой, его студентское он сбавляется и оспригидает. Даже мысли о том, что мог бы вернуть самую красивую девушку, — это нечто, что исчерпано, что исчерпано себя студентский круг понятий, взглядов, навыков, недалеко, однако, отстоит от него, не возмужал.

«Что со мной происходит?» — спрашивает герой. Что с ним происходит? Он устал быть мальчиком и не знает, как ему сделаться мужчиной. У него нет ни одного примера, который бы красочно характеризовал Михаил Пришвина: «Зрелость мужа, могущего создать себе дом».

А пока у него в жизни аж спереди и сзади поистине красивые огни световой дорожки, путь в будущее и у той девушки, тоска по которой сидит его. Закрывает путь и в студентское детство, и путь в зрелость. И вот весна, и неопределившийся шаг вперед, и вернее, не два года, а все десяти...

Что поделяешь, если у нас много людей, которые так и не выйдут из школы, они все еще остаются школярами, а начать работать, они все еще не умеют, и не хотят. И вот тогда все еще никак не оторваться от детских забав, и это — путь к инфантильности, к беспомощной инфантильности.

Трагедия начинается тогда, когда какая-нибудь любовь к партнерше по танцам приводит к образованию семьи (В. Аксенов «Плانا, спложна»). Надо складывать семью, эту ячейку общества и опору государства, но беспомощны эти спортивные маршлы, высокие мужчины в ярких рубашках навывпуск: «Словно связанные тайной порочкой, они несли в тесном кругу свои юношеские вкусы и привычки, ташши все вместе в неведомое будущее кусочек времени, которое уже прошло... Нападающие и защитники женились, переходили в запас, становились болельщиками, у них рождались дети, но дети, жены и весь быт были где-то за невидимой чертой той мужской московской жизни... Они не понимали, почему это их девочки... стали таким замудреным. А их «звондуть» учатся, работают, воспитывают детей, готовят обеды, растут и умирают, научаются дорожить минутой времени и открывать сладость в улыбке ребенка, солнечной луче, кинге, тиканье часов, в самой своей ответственности за работу за жизни и счастье малышей.

Сергей, этот велиновозрастный юнец, не ищет в жене друга, с самого начала она для него — лишь женщина, дочка с ее ровнейшим пробормом и баггинками — похота в жизни, он, видите ли, неожиданно умирается, представи, как она вырастет и будет деловаться в подворотне с какой-нибудь студенткой и как ей доставается от папы, — вот ведь чушь! Трудно даже представить стрижку, который бы еще сильнее разоблачал глубокое равнодушие к собственной ребенку; к шуряющему миру дочери сейчас и в будущем...

Девочка смотрит на него строгими глазами, такими, как у его мамы. За те годы, что прошли с того времени, как он был начинающим футболистом, а она — его партнершей по танцам, она стала врачом, выпустила дочку и защитила диссертацию. Он знает, в это воскресенье она обманула его и теперь, наверное, поаботается и со организацией новой семейной жизни.

Маленький рассказ, но в нем уложилась история жизни Сергея, все его 32 года на московских улицах. И, может быть, первые мысли о своей жизни у него появились только сейчас, в это воскресенье, когда кончается его любовь, его семья, его спорт. Может быть, он даже подумает

до того, что всю жизнь ни за что не отвечал и ничего не создал. Отставая «свободу личности», сбегая из дому к ребятам и на стадион, он как раз и не стал личностью, зато прямо на глазах замирает в своей семье «социальное неравенство»: жена далеко обогнала его в духовном росте, и они уже давно говорят на разных языках.

Однако В. Аксенов не стремится создать сатире на своего героя. В его тоске по растрченной впустую молодости вдруг прорезается и эгипетская нота, звучащая как голос самого писателя и находящая отзвук в каждом из нас. Она является мягким,

но твердым напоминанием, что время идет. Для всех...

2. ЖАЖДА ЛЮБВИ

Гале 15 лет... Ничего не зная и ничего не умея мы в эти годы. А кровь кружит голову и затуманивает глаза. И во сне летешь — растешь. И плачешь от музыки и над строчкой стихов. Несчастная, счастливейшая пора. Неокрепшая личность вся подвластна стихии чувства. Под напором жизненных сил лезут, проливаются — тугие, как лопки, желанья. Понять

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

(916)

Год издания сорок второй
Выходит два раза в месяц

14 ИЮЛЬ
1965

"МАРСИАНЕ" ИЗ РОСТОВА

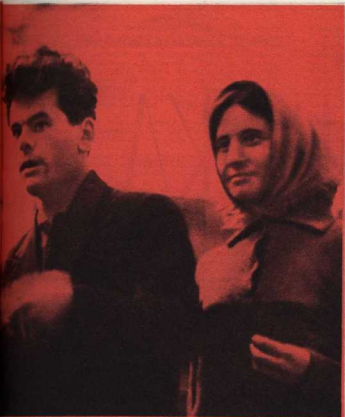

Фото А. ЛЕХМУСА

Ежедневно с конвейера Ростовского завода сельскохозяйственного машиностроения скатывается более двухсот зерноуборочных комбайнов. Сорок из них прямо из сборочного отправляются в порт и оттуда «разъезжаются» на разные континенты. «СК-4» с маркой «Ростсельмаша» убирает урожай на полях Чехословакии, Туниса, Ливии, Мали, Кубы, Китая, Ирака. И не было случая, чтобы комбайн не выдержал сложных условий тропических и горных стран. Недаром комсомольцы «Ростсельмаша» работают под лозунгом: «Качество комбайнов — на уровень мировых стандартов!»

Комсомольский прожектор стал боевым штабом завода, и ни один комбайн не минует пристального внимания «прожектористов». И завод отплатил комсомольцам доверием: в сборочном цехе нет ОТК. На цеховом собрании выбирают общественные контролеры — самые строги, самые непримиримые в борьбе за отличное качество машин. Более семи тысяч комсомольцев на заводе. Их называют «марсианами», потому что они участники движения «МАРС — путь энтузиастов», движения за механизацию, автоматизацию, рационализацию, стандартизацию. Как-то завод получил ответственный заказ — за неделю изготовить сотню комбайнов для Алжира. Сто машин за неделю — дело нехитрое. Но сложность заключалась в том, что для стран Африки комбайны делаются, как говорят на заводе, в «тропическом исполнении» — с дополнительными приспособлениями. А чтобы муравьи и москиты «не съели» комбайны, их покрывают специальной, с ядовитыми веществами краской. Двое суток штаб «марсиан» не выходил с завода, пока последняя сверкающая свежей краской машина не сошла с конвейера. Заказ был выполнен точно в срок...

НА СНИМКАХ:

«Комсомольский прожектор» идет по цеху.

Скоро эти комбайны пойдут по полям многих стран мира.

Нина Север — слесарь-сборщик. Многие узлы экспортных машин собраны ее руками.

ПРОБИРКА

Будет или не будет?

Да или нет?

А если будет, то что все это значит? Мовет быт, здесь наименее-нибудь посторонние влияния? А если не посторонние влияния, то что это — причина или следствие?

Двое сотрудников возятся с пробирками. В пробирках — икра выюна. Ее будут испытывать на «Установке» (ничего грандиозного в ней нет, хотя ее электромагнит, сразу бросающийся в глаза своими титановыми, массивными палочками, очень велики; все дело в электронике, которой она напичкана).

Не стану рассказывать, в чем сущность опыта. Как правило, в переосле лидера теряется значительная часть его научного содержания. Да и важно сейчас другое: чтобы тот, кто читает эти строки, зарылся настроением, захватившим меня в момент опыта. А знал я о нем ничтожно мало. Лишь то, что успел рассказать мне за полчаса до начала.

Итак, было замечено, что некоторые биологические организмы, помещенные в «Установку», обнаруживают электромагнитные колебания. Их записывает движущаяся лента прибора.

Современная биофизика доискивается физического смысла процессов, происходящих в живой клетке. Не исключено, что электромагнитные силы, имеющие столь важное значение в природе и так универсально используемые человеком, что эти самые электромагнитные силы имеют важное значение и в процессах, происходящих внутри клетки, внутри молекулы, составляющих простейшие и сложнейшие живые организмы — от инфузорий до человека. В таком случае ивица клетки — электрическая система природы. Тогда возможно объяснить многие изменения, происходящие в клетке. Или хотя бы сделать еще один шаг к объяснению.

А может быть, все не так, и электромагнитные колебания — лишь результат каких-то отдельных процессов иници клетки или даже побочных явлений?

Но как бы там ни было, «Установка» была той тропинкой, на которой произошла таинственная встреча электромагнитных сил с живыми организмами.

И это все, что знал я перед началом опыта. «Установка» гудела. Подблескивали разноцветные термосы, гасли и замигали глаза приборов. Двое сотрудников готовили пробирки с икрой. Икру взяли на различных стадиях после ее появления на свет. Через час, через полтора, через два часа и так далее.

Зачем? А вот зачем. В икре после того, как она оплодотворена, начинается процесс зарождения новой иници. Вначале он идет медленно, как бы скрытно, потом обнаруживает себя значительно. Биологи (да, эти двое в белых халатах были биологами) знали, что процесс зачатия нового зародка начинается в пятом часу. И очень важно было проследить, сопровождается ли развитие оплодотворенной иници электромагнитными процессами. А если сопровождается, то естественно было ожидать, что иницины пятого часа дадут (должны дать — как же иначе) заметное усиление электромагнитной деятельности.

Опыт начался.

Вначале для контроля в «Установку» помещали пробирки с неоплодотворенной икрой. Представьте себе, что эти иницины тоже дали бы заметные электромагнитные сигналы. Дело очень оспорились бы. Пришлось бы выяснять, а чем они отличаются от сигналов оплодотворенной икры, и ставить новые десятки, сотни, тысячи опытов. А еще могло случиться так, что сигнал неоплодотворенной икры оказался бы слабее, нежели оплодотворенной. Что же надо было тогда думать, какие гипотезы строить? Дух захватывало от одного представления о множестве открывающихся гипотез.

Д и не заветил, как оказался втянутым в струю напряженного ожидания.

Будет сигнал или не будет? Хорошо бы не было, — думал я, — а от оплодотворенных иницин — был бы. И все бы так славно устроилось, и все бы так хорошо подтвердилось. И я ткнулся глазами и медленной ленте, болс пропустить сначок икры.

В ту же точку неотревоно смотрели биологи, смотря профессор Гранский, смотрела молоденькая лаборантка Нелл, смотрел работающий здесь студент-практикант университета Володя, которому винул десять назад выговаривал профессор за плохую русскую язык его диплома.

Мы сдерживали дыхание, красная ивица, выводившая свои зигзаги, казалась ивиной. Вдруг она сделала резкий сначок вправо. У меня сердце упало.

— Это стекло, — спохобно заметил профессор, он дал мне понять, что это сигнал самой пробирки, а не ее содержимого.

Красная лента кажется мне уникасно красивой, красная лента танцует передо мной. Сигнала не последовало. Все облегчено вздохнули.

Менялись пробирки с неоплодотворенной икрой. Сигнала не было. Пошли пробирки с оплодотворенной. Сигнала тоже не было. «А вдруг и не будет?» — думал я. — Значит, все вступило?

Давно я не был в таком напряжении. Сколько чувств испытать мне за эти часы, сколько омен настроений — от уверенности по ступаю перед неудачей! Сколько, должно быть, сомнений, колоссальнн чувств! Сколько, сколько различных гипотез мелькнуло в его мозгу! Ну,

конечно, у работающих здесь эти переживания протекать как-то иначе, чем у меня. Для них это повседневность, одно звено бесконечной цепочки, требующей бесконечного терпения, но, может быть, это обстоятельство еще усиливает их волнение. Просто они на работе как на работе.

А красная лента все чертит свои зигзаги. Одна пробирка сменяет другую, приближается икра пятого часа после оплодотворения.

Будет или не будет?

Да или нет?

В пробирке икра пятого часа. Пробирку помещают в «Установку». Нарывается сила магнита. Гудит. Движется булавинная лента, парашко вводит на ней красную ленту. Сначок икры вправо. Это то уме знакомый сигнал стены. Боже мой, боже мой, только бы было! Есть!

ИЗ ЦИКЛА

«ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ПОВЕСТИ»

МИР ПОД

П. АНТОНОВ Фото В. САЙКА

Двадцать лет назад закончилась вторая мировая война. Одним из главных результатов гигантского потрясения, испытанного человечеством, был начавшийся развал мрачной громады колониализма.

На нежной юмке молодого роста мира, пробившегося в 1945 году, были начертаны слова: «Национальное освобождение». Прошло двадцать лет, и эти гигантские буквы на стволе могучего дерева стали действительностью для десятков ранее пораженных народов Азии, Африки, Латинской Америки. Для других эти слова являются пока мечтой, побуждая их к действию.

Верой тех, кто начал свою новую историю после второй мировой войны, стал прогресс.

Прогресс — понятие широкое. Сюда входят школы и больницы, заводы и лаборатории, и люди, которые умеют учить и излечивать, строить и исследовать. А для этого нужны университеты.

Но во многих новоразвивающихся странах университетов не хватает. Если бы составить карту, показывающую густоту университетской сети, то многие новые государства являли бы собой белые пятна.

Маршрут автобуса № 144 начинается на Октябрьской площади. Еще недавно здесь была почти окраина Москвы. Два поворота — и автобус на Ленинском проспекте. Оноло десятки километров тнутся дома, затем поля с перелесками, и наконец на пригорке вырастают здания из стекла и бетона.

*Мамаду Кейта защищает диплом.
Пеки Теотима после выступления на митинге.*

ОДНОЙ КРЫШЕЙ

тона. Это студенческий городок — часть первого в мире интернационального высшего учебного заведения — Университета друзей народов имени Патриса Лумумбы.

Университет — один из самых молодых вузов в мире: он основан в Советском Союзе лишь шесть лет назад. Но университет этот мог бы заполнить не одно белое пятно на студенческой карте мира: на шести основных факультетах и подготовительном здесь учится свыше трех тысяч студентов из 82 стран.

27 мая нынешнего года пассажиры утреннего рейсового автобуса маршрута № 148 чуть-чуть отклонились от обычных пассажиров. Во-первых, их было немного больше, чем в другие дни. Во-вторых, одеты они были торжественнее, чем принято в будни. В-третьих, у некоторых в руках были цветы.

В этот день на факультете экономики и права состоялась премьера

церемонии, которая в старейших университетах Европы — в Сорбонне — имеет многовековые традиции. Первое семь выпускников защитили дипломы.

На сцене вы видите Мамаду Кейта, послаща Республики Мали, одного из семи первых дипломантов. Он произносит свою последнюю речь в качестве студента. Через несколько минут экзаменационная комиссия поставит ему «отлично», и он станет дипломированным специалистом в области международного права.

Тема диплома Мамаду Кейта — «Международные правовые основы национализации иностранной монополистической собственности». Это очень актуальная проблема для молодых развивающихся государств. Многие из них, добившись политической независимости, не смогли еще обрести экономическую самостоятельность.

Немало буржуазных юристов заяв-

ляют, что национализация допустима лишь при полной и справедливой компенсации национализированного имущества.

Слово «справедливая», отвечает им своей дипломной работой Мамаду Кейта, не имеет в данном случае никакого смысла. Ибо монополии, десятилетиями грабившие национальные богатства бывших колоний, получили прибыль, во много раз превышающую первоначально вложенный капитал.

Пени — студент первого курса факультета экономики и права. Он приехал в нашу страну два года назад из Леопольдвиль (Конго). Путь его в СССР был нелегким и непрямым. В феврале нынешнего года на собрании студентов-конголезцев Пени был избран главой землячества.

Один из моих вопросов и Пени во время нашей беседы был не совсем тактичным. Я спросил Пени, как он считает, почему именно его, студен-

та младшего курса, избрали главой землячества.

Ответ его свелся к тому, что он, может быть, лучше других умеет во время дискуссии предложить решение, которое удовлетворило бы всех участников спора.

— Главное для нас сейчас, — говорит Пени, — это единство. Почти, почему он считает таким важным качеством умение найти приемлемое для всех решение.

— Все студенты-конголезцы, — продолжает он, — объединены в одно землячество. Я думаю, что там же должны поступить все патристические силы, ведущие в Конго борьбу против Чомбе. Различия в точках зрения на методы борьбы должны уступить место нашей главной задаче. А разрешить споры можно будет после победы.

Вы видите Пени Тестина в тот момент, когда он только что закончил

свое выступление на торжественном собрании студентов и преподавателей Университета дружбы народов, посвященном Дню освобождения Африки.

— Такие акции очень важны, — говорит Пени. — Они дают нам трибуну для того, чтобы еще раз привлечь общественное мнение к борьбе нашего народа.

Я спросил Пени, что он будет делать летом.
— Я хочу летом поработать в Сибири, на строительстве трассы Абакан—Тайшет. Я хочу познакомиться с работой на большой стройке, ведь я и там в Конго когда-нибудь придется прокладывать далекие трассы!

Я смотрел по карте, если даже идти на самолете по прямой линии, соединяющей Лагос с Москвой, то нужно пересечь три моря и шесть государств. Морской путь до ближайшего советского порта — Одессы — на той же карте разбит почти на десятков отрезков по тысяче, а то и две тысячи километров.

Велика же должна быть жажда знаний у восемнадцатилетней девушки, чтобы не испугаться этих расстояний, не испугаться незнакомой страны, о которой на родине писали мало, но столь противоречно. После пятилетнего обучения в университете Чинера говорит:

Я не разу в эти годы не жалела, что приехала в Москву. У меня есть возможность сравнивать: мой брат учился в Лондоне, несколько знакомых юнчалы высшие учебные заведения в разных странах. Непосредственно о программе обучения трудно что-либо сказать: мы учим, скажем, на первом курсе анатомию, а в других странах, видимо, тоже. Но, я думаю, мало западных университетов могут предоставить студентам такую широкую возможность для практических занятий или научно-исследовательской работы. И второе отличие — отношение преподавателей. Мне говорили, что в других странах профессора слишком дорожат своим временем. Как правило, прочитав лекцию, они тут же покидают аудиторию. Здесь же лектор может снова повторить для группы студентов почти всю лекцию. Иногда, особенно на первом курсе, когда студенты еще недостаточно освоили русский, профессор повторяет трудные места на английском или французском языке — на том, который студенты знают лучше. Педагогам не безразлична судьба студентов — они всеми силами помогают им.

Но не будем забегать вперед. Эти слова Чинеры Онорафор — итог ее четырехлетнего обучения в Университете имени Патриса Лумумбы. А начини было начато

— Первое время было очень трудно. Я опоздала на пять месяцев и начала занятия в феврале. Каждая минута уходила на изучение русского языка.

Днем я учила язык в группе, а вечером со мной занималась преподавательница Алла Владимировна. Ничто ее не заставляло это делать. Она говорила немного по-английски и сказала мне, что я не должна терять год из-за того, что опоздала. Она уверяла меня, что за оставшиеся месяцы можно усвоить то, что другие студенты прошли за первый семестр, и вместе с ними сдать экзамен за подготовительный факультет.

Когда до экзаменов осталось около трех недель, я заявила, что сдавать экзамены в этом году не буду и еще год проведу на подготовительном факультете. Тогда Алла Владимировна перевела меня в основную группу, изучающую русский язык. И я почувствовала, что знаю русский не хуже студентов этой группы.

Чинера сдает экзамен по дерматологии (снимок вверх) и готовится к экзамену на грацию и красоту (снимок внизу).

Мелодии далеких стран пришли в Москву.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С ПОЭТОМ

Среди берез Новгородской области за-
релась небольшая деревня Яковичи. Здесь
в восьмилетней школе уже несколько лет
работает молодой учитель Павел Петров.
Наверно, его ученики и не подозревают,
что их учитель тоже учится. Павел Пе-
тров — студент эстонской Литературного ин-
ститута. Недавно ему исполнилось 30 лет.
Очень он будет защищать диплом.

Павел ПЕТРОВ
г. Новгород

Целуют в губы маленьких ягнят
Суровые, согбенные старухи.
В деревне их боится, как огня,
Они все время кажутся не в духе.
У них сыны убиты и мучька,
С тех пор старухи заперли ворота
И не выносят запаха руля,
Не могут слышать запах самолета.
Они с травой и лесом говорят
И, как своих кровиночек-деточек,
Целуют в губы маленьких ягнят
И всех соседских нянчат ребятяшек.

Стойт здоровые морозы,
Ломая по лесу дрова.
Идут такие разговоры,
Что яблоням несдобровать...
[Велик киль нет сейчас мороз,
Суди по той примете:
Скрипит деревня, как обоз,
В стальной резком свете.]
В такой мороз, когда железный
Ключей не сшить, чтоб не сломать,—
О тонких жилочках древесных,
О яблонях — что нам сказать!..
Под слоем ледяной полуды,
Просвечивая, словно шприк,
Как кровеносные сосуды,
Синеют веточки у них.
И я увидел детства угол,
Где, веток раскидав углы,
Лежали черные, как уголь,
Скостеневшие стволы.
Мать беспокоилась о сыне,
А он стоял невдалеке,
Мальчишка с веточкой синей,
Просвечивавшей на виске.
И мать, затрепетав от боли,
Тогда увидела дрова:
Его уцелю на поле боя,
Смертельно раненный, лежал...
А яблоня набрала силу
И снова стали зеленеть.
Моя, наверно, жизнь чужда
На них, как на людей, смотреть.

Зацветает картофель на прогретых
местах,
На холмах Новгородчины, между
лесками.
Небольшие поля в фиолетовых,
в белых цветах,
Заболит голова, заколотится гулко
в висках
От дурманного зноя, настоящего
лестяками.

Чтобы клубни, как круглые гири, собирать
Без сучка, словно яблоки, розовые
цветом,—
Надо пашню пахать, надо землю
копать,
Надо в лес стопудовые камни катать
И воротать мешки на плеч разогретом!

Я давно от степенных слышал стариков,
Перемогиных года, пересиливших

Что картошка спасала не раз мужиков,
Звали хлебом вторым ее много годов,
Что картошке и памятник стоит
поставить.

ХЛЕБ

На трех машинах по морозу,
По следу тракторных саней,
Как будто в мазь, простоловавши,
Летим на мельницу скорей.
Наверно, ноги замелели,
Устали спины у машин —
Они, как грузчики, присели,
С ошлой под гору пошли.
Мешки с упрямыми углами,
Как за рога быков, берем,
И, напряженные, под нами,
Тесным ходят ходуню.
Щипы поднять перед водою
Не так легко и скучно,
Но, с деревянною ногою,
Их поднимает мельник сам!
И вот пошел, загомонил,
Заговорил жаренов,
Более срuga, алчче пылы
Мука течет из рукава.
Зубилом камни насекавший,
Отдавший силу им свою,
Ладонь, глубокую, как чашку,
Подставил мельник под струю.
Он сразу зернов понимает
И ради хлеба, как плечом,
Тяжелый камень поднимает
Обычным гаечным ключом.
Сама река ему под силу —
Она всегда в его руке,
Дарует хлеб нам эту силу
И завещает на века.

ЛЕСОРУБЫ

Дороги рухнули.
Весна
Приводит к нам по бездорожью.
Мы загорели докрасна
От ветра,
На огонь похожи.
Мы на морозе-трескуе.
Без рукавиц берем железо,
К ладоням нашим, как к броне,
Не пристаю теперь порез!..
Когда мы в валенках домой
Устало по воде шагаем,
Нам говорят, что мы собой
Весну нечаянно пугаем...
А мы работали в лесу,
В снегу по поас,
Лес валяли,
И не заметили весну,
Когда костры до звезд палили.

За дворами лес, поля, озера
Под водой, под тучами лежат.
Льет вода — без молний, без озона,
Мягкая, как кома лягушат.
Только ветер ходит тихой сапой
По опушкам вымерших лесов,
По садам пустым, по палисадам,
Между нахоложенных кустов.
Без друзей, без милых разговоров
Стало скучно мне в своей тиши,
И, еще вспоминаю город,
Я слезу за говором машин.
Я б пешком пошел за ними следом.
Все равно я выберу денек
И тогда за грузчика поеду
По ухабам полевых дорог...
Но, всю ночь проговорю стихами,
Я уеду на другой же день:
Скучно мне и с милыми друзьями
Без озона наших деревьев.

На новом месте заспаю,
В Москве, под дождь,
Но не засну:
Гудят машины, проезжая,
Все одинаковы на слух.
Как будто шины рвет в низине,
Сойдя по глине под откос,
Одна кивая-то машина,
И дым члдет из-под колес...
У нас в деревне так бывает:
Ты проспаешься на миг
И слышишь, как шофер спасает
В грязь засевший грузовик.
И я в Большом-Московском доме,
С друзьями душу отдавая,
Привычно думаю о доме,
О Родине под шум дождя.
Ведь дома тоже происходит
Со мной такое.
И, близка —
Там, где над полем солнца ходит,—
Здесь ощущается Москва.

Вот и забывается
Песенка без слов,
Вроде бы и не было
Прожитых годов.
Сидишь да подумываешь,
Как свести концы.
Нам живется трудно:
Мы теперь отцы.
Мы теперь по-взрослому
Знаем жизни вкус,
И не зря мы поднимали
Вес на плечи груз:
Ведь машина с грузом,
Хоть не веждеход,
По любой дороге
Хорошо пройдет.

Усталый, занятый делами,
Живу, как люди, не пишу.
Стою весь день у пилюары,
В ухах древесный, сочный шум.
Как неразрезанная книга,
Бревно, зажатое в тиски,
Ее прочитываешь алгома,
Всю, от доски и до доски.
Как новень в ясыно, в древесину
Стальное входит полотно,
И на пахуте тесны
Разваливается бревно.
И муравьиной кислотой
Здесь пахнет от древесных ран.
Гора опилок под горою,
Как муравейники-великаны,
Поставлен трактор под навесом,
Ремень протянут к колесу,
И камешки, здесь пахнет лесом
Сильней и чище, чем в лесу.

Ленинградская писательница Майя Данини написала повесть, которую назвали «Дорога». Ее герои едут по стране в автомобиле, попутно на берегах реки, знакомятся с людьми, встречаются с такими же, как они, путешественниками. Вот, собственно, и все на первый взгляд. Но это только на первый взгляд...

Впрочем, пусть лучше судит о повести М. Данини читатель, которому мы предлагаем три главы из «Дороги».

ДОРОГА

ПАРАШКОВ С УСИННОЙ УЛИЦЫ

Наша старая машина бежала быстро, но начал перегреваться мотор. Она поминутно вскипала. Из носа у нее вылила пар, и мы ехали, как паровоз, оставляя после себя целое облако.

Мы везде добывали воду: проносили в домах, черпнули в колодах термосом, брали в ваннах и определяли в темноте, мутная вода или нет.

У нас потек радиатор. Володя пытался починить его каким-то странным способом при помощи лавальной лампы и оловянной проволоки. Галя подхватывала Володимины слова, которые он случайно сказал, что будет чинить машину «методом легкого постукивания». Обе мы мерзали. Сидели в машине и коченели. Холод пробирался по спине, сводил руки и ноги, останавливал мысли, путая их, холод бодрил нас. И это смешение и возбуждение усталости определяло все, что мы говорили и чувствовали.

Галя томилась и повторяла: «Методом легкого постукивания», «методом легкого постукивания», «методом легкого постукивания»...

Скучная история—на ветру, на юру, на дороге пахнет радиатором. Хоть бы печку в машину—пошло бы тепло по ногам. А хороша печка в машине! Она летом бывает нужнее, чем зимой. Когда сидишь в машине, ноги коченеют. А была бы печка—сидел бы, как дома. Володя всегда говорит, что машина—это его дом, его галлоши. Что машина—это его оболочка.

Он говорит:
— Если я вижу женщину в норковой шубе, то мне хочется ей сказать: «Что вы делаете, на вас целая «Волта»!»

Надвигается тьма, холод, как бы согреться, выпить чаю. Какой бывает чай, густой, золотистый, ароматный! Хлебнешь его, и тепло идет по телу, и согреваешься, согреваешься, добреешь, дремлешь. Ах, какой чай заваривается из снеговой воды! Чай пухучий, как орашзерер. Про чай было думать неприятно, и я старалась отвлекаться: вот машина бежит по шоссе, и Галка все читает буквы на номерах: ЛЕВ, РАВ, ЮАЖ, МОА... ЛЕВ, РАВ, ЮАЖ, МОА...

А я думаю опять про чеху. Журчала бы сейчас печка, грела бы. Она бы одна сейчас к нам тепло относилась.

А то Володя кричит:
— Отогнитесь, дайте смруку резину! Что вы сидите, как совы, мне жарко. Фу! Снимите с меня свитер. У меня руки грязные.

— Не смей снимать свитер, ветрище какой холодный!

— Какой ветрище? Мне жарко. Ему всегда жарко. Он возится сердито, быстро, и потому, может быть, ему и жарко...

Но мы поехали, мы потянулись. Урчит мотор. Мы едем. Володя собрал инструменты, снова опять:

— Отогнитесь. Сейчас мы поедом. Но только тронутесь—стоп.

— Что опять случилось?
Какой-то человек машет руками. Чего он хочет? Подвести его, так сесть негде, а спросить нас—мы и сами ничего не знаем, но Володя останавливается.

Человек размахивает руками, показывает куда-то в сторону, что-то говорит, чего-то просит. Володя лезет в машину.

— Отогнитесь, дайте мне взять вулканизатор.

— Что такое? Опять?

— Да не у нас, а у него, надо ему дать шину и вулканизатор.

— Кому дать?

— Ему.

— А где его машина?

— Да там, на проселке, километра два...

— А может, у него и машины нет? Пусть паспорт покажет.

— Он покавал.

Мы отдаем шину и вулканизатор этому человеку.

Едем. Проходит час, и вдруг мне приходит в голову: «А как же он отдаст?»

— Вот его адрес.

На бумаге было написано: «Парашков, Учинная, или Усинная, или Уния, 8. Города не было. Из какого же он города? Номера машины тоже».

— Ну как же ты отдашь и номер машины не записал? В дороге за тысячи километров от дома отдашь шину и вулканизатор Парашкову с Уинной улицы...

А Киев вот он. Горбатый, диковинный город встает перед нами, и мы идем лагеря автоустроитов.

Первым делом Галя спрашивает в лагере у администратора:

— Где у вас Усинная улица?

— Какая?

— Усинная или Учинная.

Администратор, в свою очередь, спрашивает: — Катя, ты не знаешь, где такая Усинная улица?

— Кто их знает, теперь все улицы номяе.

— Усинная, Усинная,—повторял администратор.

— Ну Учинная?

— Не знаю такой улицы,—сказала Катя.

Мы легли спать. Согрелись, заснули. А утром, теплым утром, когда мы мыли машину, к нам подошел человек в кожаной куртке, совсем нам незнакомый человек: курносый, веселый, рот корабльком, какие дети рисуют. Подошел и протянул нам свертки и шину. Совсем незнакомый человек.

— Большое вам спасибо, вот ваша камера и вулканизатор. А еще у меня печка есть старая, но хорошая, работает. Если не обидитесь, что старая, то берите...

— А кто вы такой?

— Я Коржаков, вчера у нас шину брал, подумал, может быть, вам некогда меня искать, заглянул в пансионат, может, вы здесь, вы, и верно, здесь.

— А почему вы Коржаков? Написано было Парашков.

Так ведь холодно было, руки замерзали, ручка не писала. Я ее в дужку махнул, вот и написало плохо. А я Коржаков, а не Парашков. И сама собою к нам пришла печка.

НА ПОЧТЕ

Наша бабушка всегда волнуется. Она волнуется, что Галя не пришла вовремя из школы (уж, наверно, что-нибудь стряслось, не жалеет). Она волнуется, что стало холодно на улице, обледенело (надо пойдете и упадете!). Она волнуется, что стало жарко, она волнуется, что может испортится крап, что... и все в таком духе. Но больше всего она волнуется за машину: ее укрядут, ее утонят, на ней попадут в аварию, она всех убьет, на ней кто-нибудь мы убьем и так далее.

Если что-нибудь случается, то бабушка всегда ТАК И ЗНАЛА, ДАВНО ЗНАЛА.

Бабушку надо все время успокаивать письмами, телеграммами, телефонными разговорами, открытками. Тогда она спокойна, зато мы все время в полном беспокойстве, да мы спокойствие и пишем и пишем письмо, заезжаем на почту, заворачиваем в почтовые отделения, разныкиваем их и заворачиваем.

Я сижу на почте (Володя с Галей обедает) и пишу бабушке, что нам очень хорошо, что мы едем, что смотрели Гойю в Киеве, что Лавра была закрыта, что мы еще не сломались и все благополучно.

...только не волнуйтесь...

Я пишу и смотрю на девушку, розовую, такую пышную и тоненькую, такую свежую и голубоглазую, что кажется, я никогда не видела таких ярких глаз. А в ушке у девушки капля-серезка голубого стекла, такая же яркая, голубая, как глаза, такая же простодушная, светлая. Будто капли с неба, на котором ни облачка, ни тучки, ни даже завитушка, который оставляет реактивный самолет. Девушка поворачивается ко мне, и я вижу все ее лицо: розовую кожу того легкого загара, который бывает только у младенцев и женщин, которые работают на фермах и пьют много парного молока. Солнце чуть-чуть румянит эту кожу, отеняло ее белые ямки под подбородком и у скулы. Это было скрутенное, славное лицо, красивое той русской, неуловимой, расплывчатой красотой, которая светится, когда человек счастлив. Ее не нарисуешь, не подкаришь. Тяжелая коса была у девушки: видно, никогда не загибала эту косу, не портила ни ежемесячными завивками.

Я писала, что все дождиком дожди, что шинки уж очень хороши в Киеве, что деньги так, а девушка повернулась и подошла к столу. Она посмотрела на меня, и я разглядела ее глаза: они были той голубиной, которая бывает только на свежем воздухе и только от бездумья. В это время кто-то протянул мне бланк телеграммы «молины». Я заглянула и скорее отвернулась: рядом со мной стояла старуха. Лицо ее, которое я увидела мельком, осталось перед моими глазами: это было черное, страшное лицо, безнадежное, суровое, прозрое лицо. Рядом с моей рукой дрожала ее темная рука, которая протягивала бланк. Рука чуть отливала желтизной.

И еще раз глянула на девушку и еще секунду радовалась, но старуха потрогала меня и сказала:

— Перепиши мне, не принимают у меня телеграмму...

Я прочла телеграмму:
«Дорогой брат! Вспомни, что я тебе сестра. Хотя мы и не виделись, но всемоим, что я тебе сестра. На больничном выписали, больше не держат, говорит, что я неизлечима. Деньги я заимала на семена — тридцать рублей, семена были несложно да и в больницу попала. Теперь отдавать нечем, а надо, а то скоро помру, будут не добром вспоминать. И на смерть ты выходишь, я уж все приготовлю себе, чтобы люди не беспокоились. Одна я совсем, кроме тебя, никого нет. Помру я скоро, так уж не покуснись. Твоя сестра Фрося».

Я снова посмотрела на старуху и опять отвернулась. Да, ей было плохо. У нее было то выражение лица, какое бывает только у людей, которые привыкли к боли, давно привыкли и никому не жалуются на боль.

Девушка тоже прочла телеграмму и покраснела до самого подбородка.

Старуха стояла молча, она повторила:
— Перепиши покороче. А короче нельзя. Не прийдет, не поверит. И так не поверит!

Она сидела тут рядом со мной, и я ничем не могла ей помочь — ни деньгами, ни советами, ни даже жалостью.

Чем вы больны-то? — вдруг спросила девушка.

— Говорят, желтуха у меня неизлечима. Желчь по мне разливается.

Мы с девушкой поглядели друг на друга и, кажется, обе подумали: «Видно, рак, да от нее скрывают».

Перепиши телеграмму чуть покороче и уговоришь послать не «молино», а просто телеграмму: все равно в деревню, куда посылала она телеграмму, повесят что «молино», что простую телеграмму.

Приемщица все сердилась на нас, что бестолковая телеграмма, что надо коротко и без запятых писать, без точек, а потом, когда старуха ушла, стала ругать нас с девушкой и говорила:

— Что вылазываете? Их таких много ходит! Знаю и их, у них деньги припятааны. — И говорила другие слова, которых я не запомнила, а только все повторяла про себя: «Их таких много ходит, их таких много ходит, их таких много ходит...»

Образ девушки стерся, забылся, запомнилась одна старуха и «их таких много ходит...»

Чуть я в письмо это не написала: «Их таких много ходит». Но зачем это нашей бабушке? Она и так найдет повод поволноваться.

ВЕЗ КОМПАСА

Мы не растеряли вещи по дороге, но как-то утратили их, все-таки рассказали, так что сидеть можно было совершенно свободно. Постепенно мы вживались в путешествие, постепенно приходили в состояние привычки перемещаться, передвижаться, без конца ехать и ехать.

Мы уже привыкли ехать и читать, ехать и спать, ехать и есть, я даже пытался ехать и писать, но из этого мало что получалось.

Мы не могли решить, можем мы подвозить людей или нет. Люди постоянно просят подвезти, стоят и машут руками.

Время от времени, пока мы ехали, Володя поглядывал на компас и говорил:

— Вот черт, опять неверно показывает! Скажет, как пьяный.

Потом уже мы спрашивали его:
— Ну, что показывает компас?

Он отвечает:
— Время!

Едем-едем. Снова смотрит на компас.

— Что теперь показывает компас?

— Цену на картошку! Будем ехать ПО ИНТУИЦИИ!

Это мое слово, которое Володя не выносит, так же не выносит, как и его манеру по всякому поводу лезть в энциклопедию и смотреть ТОЧНОЕ ЗНАЧЕНИЕ любого слова. Он не любит, что я, как мне кажется, умею что-то угадывать, узнавать по малейшим приметам, воспринимать какие-то движения чужой души. Он этого не признает, так же как и определяет «это талантливо». Он все это считает БУЗОЙ, ЕРУНДОЙ, ГЛУПОСТЬЮ, которую могли выдумать только филологи, которые ДВАЖДЫ ДВА СКЛАДЫВАЮТ НА ПАЛЬЦАХ.

Едем-едем... Дорога раздвигается. Направо ехать? Налевую? Угадайте? Нет.

Ну, как твоя интуиция? — спрашивает Володя.

— Как поживает компас? — спрашиваю я.
И тут появляется девушка, которая машет рукой. Та самая девушка, которую мы видели на берегу. Вот это компас и интуиция вместе.
— Мы идём девушка к машине, и она рада, и мы рады. Она улыбается, она смущается, но говорит, что все дороги здесь заны — приехала сюда работать. Еще никто не приехал на уборку, а она приехала, «так уж», — замолчала.
— А почему так?

— Девушка молчит. Я толкаю Галю. Мало ли почему человек уехал.
— В бараке живу совсем одна, в гости приглашайте, близко здесь до дороги...
Что-то случится с Володиной — он свернул и поехал туда девушка показывала. Она скакала будто шути, а Володя вдруг и поехал, но она не смущалась, не удивилась, и мы выехали в сад. Она привела нас в старый сад, полный яблок, еще зеленых, но уже крупных и чуть красненько-красны. Бетня в саду кланялись, и мы все повторили:

— Какой урожай! Как много яблок!
Но оказалось, что это уже раз и не такой уж урожай, что бывает урожай, что и листьев не видно, что все облетело, что и дурно, и плохо. Бетня полная яблок! Это же чудо, это же соблазн, волнение, радость, страх за себя: не могу устоять, хочу взять яблоко, хоть будь оно совсем незрелое — хочу сорвать яблоко...
Галья поворачивает ко мне голову и я вижу в ее глазах столько надежды, что я думаю, она хочет сорвать, очень хочет, и только Володя невозмутимо ведет машину между деревьев и смотрит вперед — только вперед и никуда больше. Кажется, что он просто не видит яблок, не видит их красоты, соблазна, радости, не чувствует радости этих полных веток. Вот уж я знаю, что он НИКОГДА НЕ СОРВЕТ, и видно, пожелает ли, но НИКОГДА НЕ СОРВЕТ и назад не подал, едет и желает.
Ах, это Володяно качество: не видя за что не преступит. Никогда, ни под каким видом не преступит. Оно пугает даже, оно восхищает всех, оно удивляет. Оно подавляет меня.

К счастью, мы выехали из сада и попали на аллею тополя. Эти аллеи были как колымо из зеленых навалов, как наши девушки смежно: «школа», «это школа», — равнодушно скакала она, а мы все улыбались: эти аллейки-подростки и правда выглядели как школьницы, только у них не было портфельки, и они не держали в руках сумки, и они не стеснялись смеяться. Мы приехали к пруду, в большой барак, почти совсем пустой, чистый, гулкой. Кровати были без матрасов, но это было то самое, о чем мы столько мечтали, — кровати, на которых можно растянуться, лечь как следует. А рядом с барак было пруд, чистый пруд с мостиками, на которых можно было сидеть.

Мне показалось, что мы попали в райский сад, откуда я никогда не уеду. Ну, по крайней мере несколько дней, но хоть один день, Володя пообещал. Так тепло и так приятно. Володя был согласен, потому что девушка скакала, что я все еду караси.

Барак был пустой, но приехали на уборку рабочие, еще рано было снимать яблоки.

Я только успела сказать:
— Мы приехали к пруду, и не будет возражать, что мы не нусти? — как женщина начально: маленькая крупная женщина, сердатая на лице.

— Это кто это к нам пожаловал?
Девушка наша покраснела, но не испугалась.
— Это ко мне, Марь Ивановна, родственники мои на один день, переночуют. Они на машине, устали.

Грозная Марь Ивановна глядела сурово, но уже улыбалась ее губы.

— Смотрите, яблоки еще зеленые! Наедитесь — заболите, — сказала она.
— Нет, мы не наедемся, мы даже с дорожек не сойдем, только в пруду искупаемся, — сказала я.

В пруду кто купается, кто тонит — выталкивал — скакала Марь Ивановна и села.
Она теперь улыбалась усталой, доброй улыбки человека, которому надоело подговаривать людей в том, что они приехали и ей за яблоками, приехали поспать. У нее было такое выра-

жение лица, что казалось, она говорила: «Я бы вам разрешила в своем саду брать яблоки, да ведь не мой сад-то. Мне и самой подогреть придется».

Володя с Галей с утра удили рыбу, а я и стирала и ждала их и Калу. Мне хотелось, чтобы она пришла до них и рассказала бы мне о себе. Мне хотелось все о ней узнать, она меня очень интересовала. Мне казалось, что таких девушек, как она, не ищут жить в бараке и работать в совхозах. Почему она приехала?

Я ждала Калу и все приготовила: заварила чай, сделала салат из редиски и сметаны. И подмешала в него яблоко и все надеялась, что Кала обязательно спросит: откуда такой вкус у салата необычный?

Она все не шла и не шла, и я совсем соскучилась в одиночестве. И вдруг она пришла, я посмотрела на нее и ахнула: она была совсем некривая! С той же селенкой, что такая, черными темными лицом; я вдруг заметила, что у нее лицо совсем квадратное, что она сутулая и шея у нее короткая. Я все это увидела только что. Солнце меня осветило, что ли? Где ее глаза, румянец, чистые белки? Вылое, придухшее лицо, черные глаза. Она устала. И ее усталость сразу передалась мне.

— Чай будешь пить?
— Нет, спасибо!
— Ну, я салат?
— Нет, спасибо, я хочу. Полежу.

Она легла.
И я разочаровалась. Ну что это? Есть не хочу, говорить не хочу.

И закрули и ушла на крыльцо.
«Все-таки, может, выпьем чаю? У меня салат очень вкусный! Выпейте?»

Нет, она не хотела.
И шла чуй грустно и тихо, и вдруг Кала поиняла, как мне хочется угостить ее чаем.

— Пожалуй, дайте мне, — сказала она. И стала молча пить, молча, но глядя на меня, поспыывая. Ела салат и ничего не сказала, ни слова. Капочка...

Она легла спать, и я ждала: сейчас и закрули. Но крепкий чай ей не дал спать. Она ворочалась, ахала, ахала, ахала, и я не дала ей спать — все думала про нее. И вдруг она скакала:
— Легла вот и отлежалась. Так устала, что просто руки не поднять. Проползла, да еще ведь я и не полела давно.

— А вы откуда? — спросила я, а она не отвечала.

— Нет, ее не заставишь говорить! И я приготовилась заснуть. И вдруг она сама заговорила:
— А чего вы курите? Зачем? Некрасиво для женщины.

— Да вот курю. Ночи не спала, а мои сверчок курит, и я закурила. Так и привыкла.

— Сверчки все такие... — сказала она. — Неужели мы такие будем?

И прорвало ее. Заговорила.
— Мои сверчки меня прямо живьем съест хочется. Как же, ее сын — оред, такой красавец. Ему королеву надо, а я что, школу кончила, в конторе работаю...

Снова молчание.
— А где же ваш муж?

— В армию. Вышел осенью. Я с ней осталась, так думала, что ударю ее. Вот она ходит по дому, ворчит, ворчит, а я молчу, как проклятая. А она: и ту-ту и ту-ту-ту да вдруг как гаркнет на меня! Ох, жуть... Так и уехала сюда. Она сумас, худая, а вот я полная, так знаю, что она все все ненавидит и лично и все. Сначала не различала и ее злости: такая счастливая была с Виталиком, а потом пошло. Вот все в ней чужо — злость ее, ненависть...

Кала выговаривала слова все правильно и вдруг скакала: «и не ненависти», и это слово было горячее, больное, живое. Но она забыла скоро свою злость на сверчков и заговорила о Виталике:

— У нас с ним все было так странно. Вот плохо, правда, когда тебя человек разразнит, а сам перевернется, правда?

— Да... — сказала я тихо, боясь спугнуть ее.
— Вот он, знаете, какой у меня. Он... Он... Очень умелый с женщинами. Красивый он, правда. Вот и сейчас его сразу в старших видю.

— Командир. Он весь вот такой: ладный, высокый, и лицо симпатичное. Очень даже. Я карточки даже не выдала — так поехала, до злости на мать...

И вот он все в клуб приходил как ман. Придет в costume, в черном. Вроки уксие, поджак си-

дит, ну просто как влит. И носки красивые, безразмерные. Это и вам все не так рассказываю. Он сначала и старым поджакши ходил. Ты себе, а потом стал за мною ухаживать. Цветы приносит. Правда. У нас никто из ребят никогда цветов не дарит, а он приносит. Все считают, стыдно, а он приносит. И вот он стал ходить и все говорить: «Вы мне нравитесь», — и все такое, ну как всегда говорят. Ну мне что, я не знаю, что это всегда говорят, я все кренилась, а потом как полюбилось... Перестал ходить. Не стал, и все. И я вот знаю, что нарочно, все знаю, как он заманивает, чтобы наверняка взять меня. А я ведь тоже не самая уж такая незаметная была. Парни были — ну и я вроде так и надо, ничего, а саму меня разбирает. Ох, разбирает, просто хоть бети к нему! И вдруг он приходит на вечер в новом костюме. Какой стал! И вот приходит в новом костюме, и я вижу, что он стал другой, равнодушный, и на меня не глядит и вообще не тупит. А я как сама не своя. Бегаю, хочу, ревет приглашаю — не его, конечно. Ужас! Вспомнить стыдно. Прямо верчусь, будто меня блохи кусают. И вот знаю, что все делало не так, все не так: и смороз не так и дечат обнимая — и все не так. И все знаю, что не так, а поделает с собой ничего не могу. Просто жуть. А он не смотрит, а все видит. Ух, горе какое, несчастия! Прямо что с собой сделать? Танцую с девочками, а он морду ворочит прямо. Ну, думаю, кончилась. Сейчас вытворю что-нибудь такое, хуже не придумаю. Подойду, его пригласю сама. Но не пошла, нет. Ушла на крыльцо и стою — заплакать хочу. И вдруг мне кто-то по плечу шутником водит. Оборачиваюсь — он. И сразу и даже захохотался. «Почему, — говорю, — не приходишь?» «В командировке был, в Москве». И знаю, что просто так говорит. Забыл про меня, и все. Нарочно, чтобы вернее меня заманить. Но я всю эту его политику поняла, не поддавалась ничем...

...Мы проговорили часа три, а потом завололи снова чаю, зажгли свет — и снова я увидела ее розовое, яркое лицо, горячую красоту, пышную грудь, и снова я не заметила ее скуд и короткой шеи. Ах, хороша была девочка, сильна! Никакая промолла, ни сверчок, ни одиночество не могли ее смять.

Рисунки
В. ЮДИНА

**СОВРЕМЕННАЯ
МЕТАМОРФОЗА**

Жизнь была на свете Гали Гэй, покладистый, безобидный человек. Была у него любящая жена. Жили они тихо, мирно, до тех пор, пока не решили однажды купить на обед рыбы. Пошел Гали Гэй на базар, и надо же было ему повстречать на своем пути трех бравых солдат английской колониальной армии! О, это были отчаянные ребята! В поисках наживы, денег и выпивки водралась они в нагоду, но, на их беду, нагода оказалась хитро устроенной ловушкой, и один из солдат стал жертвой козней местного бонзы. Плохо придется этим бравым ребятам, если на вечерней поверке не окажется четвертого из их пулеметного расчета. И тут появляется Гали Гэй, славный парень, добрый парень, для которого нет особой разницы между «да» и «нет». Действительно, повстречал Гали Гэй вдову Вербик, хозяйку солдатского трактора, и поддался ее уговорам — купил у нее огурец вместо рыбы. Солдаты сразу смекнули, что Гали Гэй — тот самый человек, который им нужен. И Гали Гэй соглашается заменить на вечерней поверке пропавшего солдата. Так сделан первый, маленький шаг к моральному крушению: так Гали Гэй, простой мирный обыватель, становится материалом для конструирования «супермена», «машинным для убийства».

Трагикомическую историю Гали Гэй рассказав нам выдающийся немецкий драматург Бертольд Врект в своей пьесе «Человек есть человек», а Московский театр имени Ленинского комсомола осуществил поста-

новку этой острой и поучительной комедии под названием «Что тот солдат, что этот».

Пьеса «Человек есть человек» была написана Вректором в 1925 году — до создания «Грехотрошовой оперы», «Доброго человека из Сезуана», «Жизни Галилея». Задуманная вначале как драматическая полемика с колониалистскими проведением Д. Р. Киплинга, пьеса Вректа переросла чисто полемические рамки, стала острым боевым оружием прогрессивных сил Германии в борьбе против мутной волны фашизма. В образе Гали Гэй, человека, «почти вовсе лишнегого страстей» и ставшего в конце концов одержимым колонизатором-убийцей, Врект разоблачает социальное нутро обывателя, его мещанскую чувствительность и доброспорядочность. Гали Гэй после его метаморфозы — это прообраз фашистского молодчика, эсэсовца. Не случайно при постановке в Германии этой пьесы Вректа часто возникали обструкции, скандалы и потасовки, инициатором которых была реакционная часть публики, в том числе штурмовки. Но и теперь, спустя сорок лет, эта тема находится на направлении главного удара мировой прогрессивной литературы. В актуальности, своевременности, пожалуй, заключается основное идейно-художественное значение творчества Бертольда Вректа. Каждая его пьеса-притча современна, остра, публицистична, каждое его произведение находит горячий, заинтересованный отклик у зрителя. Поэтому можно только приветствовать появление пьесы «Человек есть человек» на сцене

ВАН (артист В. Ларонов) — Уж разрешите, я объясню вам, что человек, по поводу которого вы утверждаете, будто он находится здесь, — это совсем не тот человек, которого вы ищете.

СЕРЖАНТ ФЕРЧАЙЛА (артист А. Аарскин): — Вот что я вам скажу, пари. Вы покажете о том, что не перестреляли друг дружку еще во чреве матери, если сегодня на вечернюю поверку вы явитесь без четвертого.

£782

E NATIONAL

71.927

gagne 1 MILLION de F
le groupe 3 et 50.000 F
autres groupes

L
gros
chiff
ce ch
gan

illets qui
reproduisent,
quel
um

ГЭЛИ ГЭИ (артист Л. Дулов): — Нельзя же так просто, за здорово живешь, раз-два — и прикончить человека!

ГЭЛИ ГЭИ: — И это армейский слон!!

Театра имени Ленинского комсомола.

Постановка любой пьесы Брехта — задача трудная. Такова уж его драматургия — колючая, инскапальная, неожиданная. Когда режиссер понимает автора — победа обеспечена. Перед постановщиком спектакля «Что тот солдат, что этот» народным артистом Грузинской ССР М. И. Туманишвили стояла задача особой сложности. Коллектив театра принял равного пьесу Брехта, которой, быть может, еще не хватало мастерства позднего Брехта. Кроме того, несмотря на последовательную прогрессивную

направленность комедии, левая печать Германии двадцатых годов, приветствуя в целом пьесу, в то же время упрекала автора в том, что он «не вышел за пределы сентиментального антимилитаризма», что в пьесе нет «отчетливой критики империализма».

Заранее скажем, что в значительной степени все эти «подводные рифы» в спектакле Театра имени Ленинского комсомола режиссором и актерами преодолены. Трудная пьеса Брехта сыграна в отличном ритме, с выдумкой, остро и доходчиво и в то же время беспощадно зло по отношению к ее «героям» — ведь по

плеся «перемонтировки» — происходит жажда жизни, экстаз торжества, и наконец страх перед смертью заставляет его отказаться от своего имени, от своего «я», чтобы стать одним из многих тысяч рядовых «томия», несущих разрушение и смерть поработенным народам. И вот полностью заколчено превращение Гали Гая. Перед нами искусственный убийца, слепой, послушный автомат империалистической оккупации.

Отлично, с увлечением играют английских солдат Урия, Джесси и Полки артисты Л. Каневский, А. Ширвиндт и Д. Гомер. То бесечно-веселые, то извращенные, в сцене расстрела Гали Гая, они неожиданно словно сбрасывают маски злых идиотов, и страшное лицо колониализма предстает перед зрителем.

Спектакль не без слабостей. Они относятся и к некоторым исполни-

телям и к музыкальному решению. Но, пожалуй, главным недостатком нужно считать финал. Постановщик М. И. Гуманский почему-то решил «исправить» Вертольте Врехта и передал заключительную сцену пьесы, причем пошел по пути наименьшего сопротивления: в грохоте выстрелов, в свете прожекторов на Гали Гая набрасывают... сеть и таким образом его символически «смиряют». У Врехта финал и страшнее и трагичнее. Гали Гай становится самым метким, самым лучшим, самым беспощадным артиллеристом. Выстрелами своей пушки он прокладывает путь колониальным войскам для завоевания новых территорий. Нравственное, социальное падение Гали Гая окончательно. Врехт как бы говорит: таков путь и таков конец тех, кто в решающий час истории не может сказать «нет» всему бесчеловечному, что несет империализм.

Драматург своим финалом зовёт к бдительности.

Когда Вертольт Врехт создавал свой «чуждый театр», он прежде всего думал о зрителе. Врехт хотел, чтобы его пьесы заставляли зрителя делать правдивые выводы, принимать необходимые решения и активно действовать в борьбе со злом и несправедливостью.

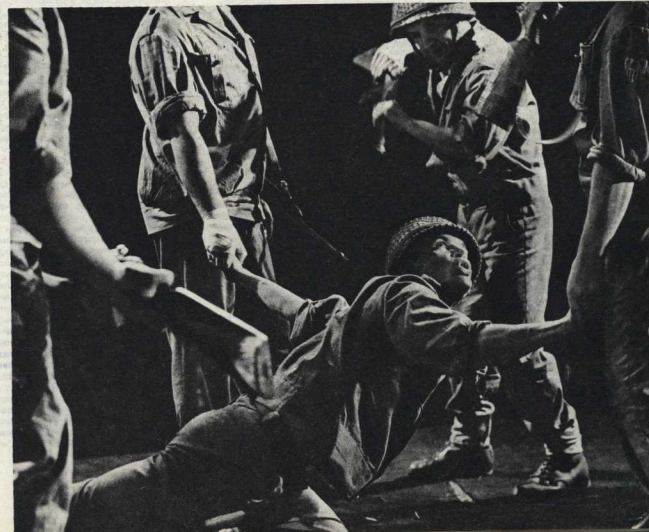
Прошли годы. Многие народы и страны стали свободными, но жалкие потомки Гали Гая еще продолжают творить свои черные дела в Анголе и Конго, Доминиканской Республике и Южном Вьетнаме. И пока не изгнан, не уничтожен последний колонизатор, последний навесник-убийца, люди мира должны быть на страже солидарности и бдительности. Тогда не будет подобных современных метамоρφоз. Творчество Врехта помогает в этом людям. Врехт по-прежнему смеется. Он работает. Он обивает. Он в борьбе.

ВДОВА БЕГБИК (артистка А. Дмитриева): — Неужели вы так бесчеловечны!

ФЕРЧАЛД: — Я был бы весьма огорчен, если бы вы действительно так подумали. Ваше мнение мне особенно дорого.

ДЖИП (артист Г. Сайфуллин): — Ты, пожалуй, самый лучший из них. У тебя, во всяком случае, хоть сердце есть. Но вас я прокиваю!

ложительных персонажей в комедии, по сути дела, нет.

Главная удача спектакля — это исполнение роли Гали Гая талантливым актером Львом Дуровым. В начале пьесы Гали Гай — Дуров предстает перед нами как милый, симпатичный человечек с безмятежным взглядом голубых глаз, упоенный своим маленьким счастьем безобидного обывателя. Он очень добр. От него хотят, чтобы он сказал «да»? Пожалуйста. Он говорит «да» и на пять минут становится солдатом. Но колониальной армии нужны такие солдаты, которые всегда будут говорить «да» войне, захватам, насилию, убийству. И начинается «перемонтировка» Гали Гая. Л. Дуров великолепно показывает, как в его герое под действием пива, уговоров, податывальников, инсценировки проделки армейского слона — всего ком-

Столица северной горной провинции Лигурии, большой промышленный город и один из крупных портов Европы, Генуя, как мне кажется, внешне ничто напоминает Неаполь. Там же живописно раскинулись ее белые дома по склонам гор, спускаясь к синему солончному заливу. Так же звучат здесь, в крутых припортовых улочках, многоязыкая речь эвезских моряков. Так же, свернувшись с широкого роскошного проспекта, вы вдруг попадете в узкие, заставленные белыми улочки бедноты. Но дух, характер этого города таковы, что к нему сразу ощущается исключное уважение. Его жители полны какого-то особого спокойного достоинства, ненавязчивой гордости, и в них чувствуешь постоиную мужественную готовность к борьбе.

Сейчас Генуя — цитадель рабочих Италии, город докеров и металлургов, строителей и химиков, город анголического, закаленного в классовых боях промшленного пролетариата. Здесь когда-то началась национально освободительная борьба итальянского коммунистического партизана Антонио Грамши, здесь влияние и роль коммунистов всегда очень велики, здесь рабочие не раз дружно поднимались на борьбу за свои права и порой одерживали большие и славные победы.

Три исторических реликвии бережно хранит Генуя: домик великого путешественника Христофора Колумба, скрипку гениального музыканта Николо Паганини и акт о калатинии гитлеровского гарнизона города перед силами генуэзских партизан. Этот акт, который висит сейчас под стеклом в кабинете мэра, был продиктован партизанами Лигурии двадцать лет назад самоуверенному и надменному германскому генералу.

Героические и тяжкие годы итальянского Сопротивления вошли в историю Генуи — одна из ее самых славных страниц. В 1943 году, после победы Советской Армии под Сталинградом и на Курской дуге, после высадки англо-американских войск на юг страны, Италия свергла власть Муссолини и вышла из позорной и несправедливой войны на стороне гитлеровской Германии, названной ей фашистами. В ответ диктату Гитлера оккупировали северные и центральные провинции, пытались силой удержать в своих руках забуйствовавшее сопротивление. И тогда народ Италии, повставший, кто является его настоящим врагом, поднялся на борьбу с оккупантами.

Лигурия в эти годы становится одним из самых мощных партизанских центров. В горах вокруг Генуи начиная со второй половины 1943 года непрерывно идут бои партизан с карателями, рождаются все новые бригады и дивизии. А когда весной 1945 года настали дни окончательного освобождения Италии от власти гитлеровцев, лигурийские партизаны решили не ждать, пока с юга подойдут наступающие англо-американские войска, и спустились с гор, с разных сторон подступили к Генуе.

Все пути отхода для германского гарнизона оказались преграженными, и гитлеровскому генералу не оставалось ничего другого, как податься безоружно кавалерию перед партизанами. Гитлеровские солдаты сдались, а за этот подвиг город был удостоен высшей награды Италии — Золотой медали Сопротивления. Он стал городом-героем, подобно нашим Севастополю или Одессе.

С тех пор в центре Генуи появилось так называемое «Сакрарио» — святыня святых. Это укрепление на стене одного из домов марсоменского квартала делало перед партизанами именно генуэзские улочки, павших в борьбе за освобождение Лигурии от фашизма. Здесь, около эти досок, всегда висят неуядающие венки, лежат букеты живых цветов, и сюда генуэзцы неизменно приходят в дни праздников и в дни борьбы. Начинется ли в городе забастовка, возникнет ли народная демонстрация, люди прежде всего собираются здесь, у мраморных досок «Сакрарио». Тут народ забывает звать плакатом, тут же и тамтатую повисев героев люди кланяются бей стойкими борцами за свободу и права трудящихся. А потом отсюда колонны манифестантов направляются в свой поход по улицам города.

Митинги, демонстрации, забастовки происходят здесь довольно часто. Но пожалуй, самые значительные за последние годы события случились в городе пять лет назад, в июне — июле 1960 года, когда неофашистская партия «Итальянское социальное движение» решила создать в Генуе свой «национальный конгресс».

Едва лишь сообщение об этом появилось в газетах, Генуя забурлила. Гордые, свободлюбивые граждане города-героя восприняли это известие как оскорбление, как поощрение своему патристическому великолюбию, как издевательство над памятью эвезляков, павших в борьбе против гитлеровцев и чернорубачников Муссолини.

На заводах и судовых верфях, в университете и около «Сакрарио» шли горячие митинги. В один голос генуэзцы заявили, что они не позволят фашистским «негодяям» устроить этот боржиде и великолюбивый конгресс, а если правительство откажется от правительственной интервенции, создаст. Однако правительство Томброни, стоявшее тогда у власти и втайне по-прежнему неофашист, решило проучить «самолюбивых генуэзцев». Их требования были отклонены. К Генуе стали перебрасываться крупные полицейские силы и войска.

Вечерами на улицах города вышли большие партизаны, ветераны антифашистской борьбы. Их поддерживали рабочие заводы, студенты университетов, служащие, женщины-домохозяйки. Город кипел. Огромные толпы собирались у «Сакрарио», колонны шли по улицам. Демонстранты несли плакаты: «Сопротивление продолжается!», «Вон фашизм из Генуи!», «Уходи прочь, черные рубашки!», «Смерть фашистским убийцам!». Раззадорившись все больше, толпы столкнулись с полицией.

Делегаты неофашистского съезда, которые приехали в Генуе, оказались как бы среди разбухавшего моря. Они вынуждены были скрываться, отсиживаясь в гостиницах.

Рассказывая, как встречали этих непрошенных гостей генуэзские шоферы такси, они уже знали, где помещается сырный пункт, где находится магазин, где находится кондитерская. Шофер понимал, с кем имеет дело. С любезной улыбкой он грузил чемоданы приезжего сынора в свою машину, а потом на четвертой скорости мчался, но не в отель, а куда-нибудь за город, а то и в горы, не обращая внимания на протесты пассажира. В самом глупом месте он высказывал «делегата», выбравшего его в качестве «делегата»: «А теперь, фашистский ублюдок, доберись, как знаешь!» — уезжал.

Но в эти дни в Генуе прибывали и другие гости — делегации бывших

партизан и антифашистов из разных городов Италии. Вся страна с восторгом следила за смелой борьбой генуэзцев. Когда в Рим, в парламент, поступили первые сообщения о генуэзских событиях, депутаты — коммунисты, социалисты, социал-демократы и республиканцы — всецело со своих мест и закричали: «Да здравствует Генуя!» Вся честная Италия готова была стать бок о бок с жителями Генуи.

30 июня началось всеобщая забастовка — вся жизнь города приостановилась. На улицы вышли колонны демонстрантов в сто тысяч человек, и в их рядах вместе с генуэзцами шли делегации других итальянских городов.

И тогда произошло кровопролитие...
Власти решили «проучить непокорных». На центральной площади города полищеские на «джипах» атаковали безоружную толпу. В ход пошли дубинки, брандспойты, бомбы со слезоточивым газом, раздались выстрелы, и на землю упали раненые. Это была открытая провокация.

Но полиция напрасно надеялась заглушить демонстрантов. Нападение вызвало у народа взрыв возмущения и ярости. Толпа бросилась вперед. Мгновенно несколько полицейских «джипов» были опрокинуты и зажжены, в ход пошли камни мостовой — испытанное оружие демонстрантов. Полищеские начали отступать.

Здесь, на центральной площади города, где находится большой фонтан

С. С. СМIRONOV, лауреат Ленинской премии

с красивой мраморной чашей, разъяренная толпа святыхлиа полицейского капитана из города Падуи, который только что прошел специальные курсы по борьбе с демонстрантами. Его подтащили к фонтану и окунали с головой в воду, пока он не начал задыхаться. С трудом руководителем демонстраций удалось спасти его и уговорить народ прекратить сражение с полицией.

Но город затаялся в напряженном ожидании. Люди готовы были броситься до конца. На некоторых улицах появились баррикады. Рассказывают, что в эти дни в одной войсковой части, из тех, что были сняты правительством к Генуе, пропали... пять танков. Они просто исчезли вместе куда, и военные сбились с ног, развисявая машины. Их так и не удалось найти, и лишь спустя несколько дней, когда все было кончено, кто-то позвонил штабу по телефону казавая: «Теперь вы можете звать свои танки; они спрыганы там-то и там-то в горах».

Словом, в Генуе назрели грозные события. Но борьба генуэзцев уже была подвечена по всей Италии. Народ с негодованием узнал о кровавой провокации тридцатого июня. Стачки, демонстрации начались во многих городах, кое-где даже произошли кровопролитные столкновения с полицией.

Забурлила вся страна, и правительство должно было пойти на попятный. 1 июля ночью полицейский префект Генуи позвонил руководителю «прогрессивных» организаций города и попросил прекратить борьбу. «Съезда не будет!» — сообщила он. Народ с ликованием встретил эту весть, «делегаты» последовали безмолвно к дому.

Но события эти имели далеко идущие политические последствия. Правительство Томброни, оксидентально разоблаченное как пособник фашизма, было полностью дискредитировано. Несколько дней спустя оно ушло в отставку.

Впрочем, в первом генуэзском мне довелось встретиться еще задолго до того, как я попал в Италию. Эта встреча произошла в Москве, в одном из больших жилых домов на Новослободской улице.

Кто-то из моих друзей, узнав, что мне предстоит поездка в Италию, по-рекомендовал мне встретиться с видным итальянским партизаном, коммунистом, журналистом и поэтом Бини, который вот уже несколько лет лечился в Москве от тяжелой болезни. Наш познкомили сначала по телефону, а потом я поехал к нему.

Мне открыл дверь худой, изможденный человек с остроконечной бородкой, чем-то напоминающий не то Христа, не то Дон-Кихота. Но стоило нам начать разговор, и я сразу почувствовал, какие удивительно жизненные силы таится в этом слабом, измученном болезнью теле. Под крупным выпуклым носом, глаза этого человека загорались, словно прожекторы. То был свет сильного и ясного ума, свет такой стремительной и полной жизни, что для меня после этой встречи, как, впрочем, и для всех друзей Бини, ни в минуту не возник вопрос, кто останется победителем в опасном единоборстве — Бини или его болезнь. И когда он победил, никто из знавших его не удивился: это было вполне естественно.

Его никогда не зовут по имени и фамилии, доставшимся от родителей, — Джованни Сербадини. Впрочем, теперь его именуют так в официальных

документах итальянского парламента, депутатом которого он стал года два назад. А все друзья и знакомые — и в Италии и у нас, в Советском Союзе, — знают его как Бини. Это и партийная кличка коммуниста, и партизанское боевое прозвище, и литературный псевдоним газетчика и поэта, и имя человека удивительной биографии и великолепных душевных качеств.

Не для одного меча, но и для многих советских друзей Бини его образ стал воплощением лучших свойств характера итальянского коммуниста-борца из той боевой и вечно молодой гвардии, которую создали Антонио Грانشи и Пальмиро Тольятти.

Внутреннее благородство, искренность и чистота, высокое чувство долга, самоотверженность в жизни и работе, кипучая и неиссякаемая энергия и способность человеческое обаяние — все эти бесспорные качества Бини делают его превосходным представителем своего народа и своей партии.

Политический деятель и журналист — бывший редактор «Униitesi» в Генуе — Бини испытал до войны и полицейские преследования и фашистскую тюрьму. В славные годы Сопротивления он стал партизаном в своей родной Лигурии, делил с товарищами их легкую, полную невзгод жизнь, участвовал в боях, писал стихи, редактировал подпольную газету и с честью прошел до конца по этому трудному пути. Недаром на акте капитуляции немецкого гарнизона, который сейчас висит под стеклом в кабинете Бини города, среди подписей партизанских руководителей есть и подпись Бини.

А потом, после войны, тяжелый недуг одолев его, и тогда он оказался среди нас, в Москве, где за него начали упорную борьбу наши врачи. Надо сказать, в борьбе с этой болезнью они имели замечательного помощника и союзника — самого Бини. Полнота жизненной силы, мощный запас душевной энергии этого человека, без сомнения, сыграли не последнюю роль в его выздоровлении.

Он поправился и уехал в Италию через два года после нашего первого свидания. И вот мы встретились с ним снова зимой 1964 года в Риме. Как радостно было увидеть, что благодатный итальянский климат с успехом позволяет не только моральным, но и физическим сил, злость и раскодают он их, как всегда, широко и щедро, забывала о себе ради других.

Думаю, что здесь есть и еще один центнер. Бини принадлежит к тем людям, для которых их работа — лучшее лекарство, и чем больше отдаются они своему делу, тем лучше чувствуют себя. Эти люди, как космические ракеты нашего века: сильное зрение — стремительное полет. А Бини действительно как бы находится все время в самом стремительном полете. В Риме у него большая работа в парламенте, а в его комиссиях, постоянные депутатские выезды в другие провинции. В Генуе, где живут его избиратели, где его знает чуть ли не каждый, — работа в Федерации компартии, участие в партийных дискуссиях, беседы с рабочими на предприятиях, дела во всевозможных общественных организациях. И при этом постоянное недовольство самой собой, мысль о том, что сделано слишком мало, что нет времени заняться любимой историей Сопротивления (им кабинетным исследованием, а живой историей работы в рядах партизанского движения — незабываемой партизанской борьбой), что некогда писать стихи.

Впрочем, депутатские обязанности он выполняет истово, со всем жаром его горячей натуры. Но это лишь потому, что в парламент его послала партия, дела которой всегда были главным содержанием его жизни, и, наверное, потому, что привнес всюду работу и выполнит отдавая ее последнюю частичку — своего превосходства, услышанное от соотечественника.

Человек большого личного обаяния, веселый, общительный, жизнерадостный, Бини приобрел в Москве множество друзей, окруживших его заботой и вниманием. И он и его близкие уже хорошо говорили по-русски, сын стал студентом столичного университета, дочь училась в московской школе, жизнь и быт семьи были достаточно благоустроенными. И все же в годы его болезни, пожалуй, самым нелепым испытанием для Бини оказалась необходимость жить вдали от родины. Он привик чувствовал себя в гуще политической жизни страны, своей партии, как бы все время держал руку на пульсе родной рабочей Генуи, где едва ли не каждый вечер и стик, которые печатались на страницах итальянских газет, все же теперь приходилось лишь издали следить за событиями в Италии, и невозможность быть и работать там постоянно тяготила его.

Видно, потому что небольшая двукомнатная московская квартира предоставила впечатление как бы временного бытования. Она была скромно и аккуратно обставлена, и семья Бини жила тут уже много лет, но, попадая сюда, вы невольно чувствовали, что это жилище не навсегда и даже не на долго. И все разговоры в этой квартире всегда неизбежно обращались

к Италии, к Генуе, куда всеми своими мыслями стремился возвращаться. Это теперь, когда Бини вернулся на родину, он не перестает думать о Москве, о московских друзьях. Как жадно спрашивает он каждого, кто приезжает из Советского Союза, как мечтает снова побывать у нас, приезать хотя бы на несколько дней! Теперь у него как бы две родины, две дороги его сердцу страны.

Это особенно чувствую, когда читаю стихи Бини, сборник которых в переводах наших поэтов вышел в Москве в 1964 году. Как два потока, сливаются в нем в одну реку интернациональной дружбы две темы — итальянская и советская.

Для человека цельного и сильного характера все стороны его деятельности, как бы разнообразны они ни были, всегда нерасторжимо связаны в один тугой узел. Бини-поэт неотделим от Бини — политического деятеля, от Бини-партизана. «Стихи, живущие как действие и как слово» — так удачно характеризовал поэзию Бини автор предисловия к итальянскому изданию его сборника Франческо Флора.

Маленькая книга стихов полна этого действия — в ней кипит живой дух партизанской антифашистской борьбы в лигурийских горах, в ней звучит гулкое эхо перестрелки на горных дорогах, в ней громко бьются сильные, храброе сердца тех, кто пап в эти бои; и мальчика партизанского взвода, исчезающего в гестаповских застенках, и семи братьев Черва,

и подругу гарibaldiнцы, тогда еще безвестного Федора, который потом, спустя много лет, стал Героем Советского Союза Федором Полетаевым. Далеко в переводах составляет этот напев благородной борьбы, эта боевая атмосфера партизанских будней, которая дышит поэзией. И размеры и ритмы этих стихов, свободные, порой переходящие в почти разговорную речь, удачно подчеркивают их содержание, широкое и разнообразное, как жизнь. И не только не нарушают, но даже укрепляют единство темы: истина о дружбе — о Москве, о Красной площади, о советских друзьях. Человек, любящий жизнь, людей, не может не быть гражданином мира в лучшем смысле этого слова. А для Бини наша страна не только место, где его вырвали из лап смерти, где он нашел коллегам друзей, но и живое воплощение той великой идеи, которой он, как коммунист, посвящал всего себя.

В тот первый вечер нашего знакомства в Москве Бини вручил мне три или четыре письма к своим друзьям в Геную. И на всех конвертах стояли четкие буквы — «АНП!».

«АНП!» — это сокращенное обозначение национальной ассоциации партизан Италии — товарищества бывших участников Сопротивления. Центр ее находится в Риме, а во всех крупных городах есть провинциальные отделения ассоциации.

В Генуе маленькая табличка, где на трех цветах национального флага Италии выведены эти четыре буквы, широко приоткрыла нам подвздою подругу из центральной площади. Три комнаты ассоциации на втором этаже обставлены в истинно спартанском духе: несколько висящих выды столов и стульев, старая шапка с булавками и книгами — вот, пожалуй, и весь конторский инвентарь. Сразу чувствуется, что «АНП!» — далеко не капиталистическое предприятие.

Но если ассоциация бедна деньгами, она зато богата людьми — интересными, мужественными, благородными в самом высоком смысле этого слова. В этих трех комнатах, обставленных с партизанской неприхотливостью, каждый день собираются люди самых разных профессий и состояний — от мелкого предпринимателя до первого грузчика, от крупного адвоката до крестьянина из горной деревушки — люди, которые на всю жизнь героично сражались с фашизмом в мирное братство — братство товарищей по оружию, прошедших сквозь испытания тяжелой и долгой войны.

Тут встретились представители большинства партий — и демокристичные, и либеральные, и социалисты, и просто беспартийные. Но больше всего среди этих ветеранов коммунистов, потому что в годы Борьбы они были самыми активными и мужественными бойцами Сопротивления.

Как мы, советские фронтовики, собираясь вместе, тотчас же начинаем вспоминать трудные, но бесконечно дорогие для нас боевые дни, так и генуэзские партизаны, едва встретившись, говорят друг другу: «А помнишь? И снова переживаю свои победы и поражения, хохочу над забавными случаями партизанского быта и становлюсь печальным, называя тех, кто сейчас состоит только в их памяти. У них свои словечки, свои шуточки, понятные только им, свой особый стиль обращения друг с другом — грубовато-простой, но сердечно-теплый, с обязательным «ты». И ловит они одного другого не по имени или фамилии, а по партизанской кличке, так называемым «имею ди батталья» (боевое имя), которое нередко звучит весьма пышно — Тигр, Молния, Красный.

Руководителя генуэзских партизан, секретаря лигурийской «АНП», товарищи называют просто Грегорио. Это — боевое имя коммуниста Джорджо Джимилли. Он все не старый человек, с ладной, плотной и стройной

Фигуро, в которой по-спортивному нет ничего лишнего. И кажется, что и характер его такой же ладный и стройный. Без всякой дробности, сомнений и колебаний, без какого бы то ни было знака апатии или самодовольства. От Джимелли веет удивительным прамудством, необычайно собранной, вострой и целеустремленной энергией, в нем чувствуешь человека с ясной, чистой совестью, который давно для себя усвоил, зачем он живет на этой земле и как ему следует жить. Это человек с высшей моральной гвардией итальянских коммунистов, что беззаветно и безраздельно отдаст себя своей партии и своему народу. Они в решающий момент готовы идти и в тюрьму и на смерть, а в обычные время нередко оставляют выгодное, денежное место, любимую работу по специальности, чтобы по первому зову пойти на любую любую должность партийного функционера или руководителя какой-нибудь организации, должность, не связанную ничем, кроме трудовых хлопот, полицейских преследований, и обрамляющую этого человека и его семью на более чем скромное существование.

Порядко Джимелли — один из немногих лигуринских партизан, человек, показавший себя истинным храбрцом в дни войны. Его как партизанского командира хорошо знают и генуэзцы и жители горных деревень. А в памятных ионских событиях 1960 года он еще раз подтвердил свою репутацию смельчака, не теряющего лядководя в самые опасные минуты.

Это именно он в критический момент 30 июня, когда на площади разгорелся сражение между полицией и демонстрантами, вскопал на крышу полицейского автомобиля, окруженного бьющейся, разъяренной толпой, и обратился с речью к народу. И твердые, спокойные слова прославленного партизана оказались достаточно, чтобы успокоить сотни и тысячи людей, доведенных до предела ненависти и протестной полицией.

Теперь он рассказывает об этом с веселым смехом, как о забавном пустяке, словно и в самом деле легко было встать в рост наверху машины, когда над площадью раздавались автоматные очереди, градом летели бумажники, клубился облак сжатого газа, будто так просто было вырваться с места, ступить на чужую землю. Он неизменно, бодр, весел, и только раз я видел, как опечалился его лицо. Григорю сказал, что давно хочет побывать в Советском Союзе и уже несколько раз получал приглашение, но его не пускают — правительство не дает визы на выезд из страны.

Ему, Григорю, я обязан знакомством с Святозой — бывшим командиром партизанской дивизии в горах Лигурии, народным героем, которого знают по всей стране.

Но в тот первый вечер моего пребывания в Генуе шестую надо мной взял другой партизан — Франческо Катупро, который с гордостью носит свое боевое прозвище — Россо (Красный).

Красному тогда еще не было пятидесяти лет, но выглядел он значительно старше. Это большой, грузный, сильно прихрамывающий человек, с полными, одуванчатыми и необычайно выразительным лицом. У него живые, блестящие глаза, которые принимают самое активное участие в разговоре, весьма красочная мимика и типично итальянские жесты. Мне он казался словно сошедшим с экрана героям какого-нибудь итальянского неореалистического фильма, и я говорил ему, что он избегал карьеры киноактера только потому, что ни разу не попался на глаза Де Сантиус или Де Анжели — знаменитым режиссерам Италии.

Биография Франческо Катупро стоит того, чтобы о ней рассказать. Рабочий-каменщик, а потом шофер, он в годы войны оказался в той злосчастной армии, которую Муссолини погнал на далекий русский фронт в помощь своему союзнику Гитлеру. Как и большинство итальянских солдат, Франческо отнюдь не был настроен воинственно, вовсе не хотел завоевывать чужие земли и с искренним сочувствием относился к советским людям, обделенным и разоренным войной и оккупантами. Он даже научился немного говорить по-русски. Помню, однажды он с уморительным акцентом спел мне на мотив нашей «Катюши» составленную из забавной смеси русских и украинских слов песенку, которую тогда распедали итальянские солдаты:

Я не знаю, и не понимаю,
Пачему и-итальянски вор?
Забравши айки, забравши курца,
Забравши верова, — на дома, нигло!

Как известно, итальянская армия в России была наголову разбита советскими войсками в Верном. До января 1942 года в них велась Сталинградская битва. К его счастью, Франческо Катупро не остался лежать в снежных долинах полях и не попал в плен, сумев вернуться домой, в Италию. Из России, как и многие его товарищи, он возвратился убежденным коммунистом. И когда в 1943 году гитлеровцы оккупировали Италию, он вместе с оставшимся в пленом товарищем, со своей стороны, он, как сотни и тысячи других патриотов, оставил советку, взял в руки оружие и ушел в горы партизаном.

Он участвовал во многих боях, показал себя смелым и решительным борцом Сопротивления, а потом, во время очередной карательной операции немцев, попал с группой товарищей под вражеский огонь и был расстрелян. Да, именно так — был во всем правилам эсэсовских палачей поставлен вместе с другими к стенке и расстрелял из автоматов. Пять пуль попали в него — одна из них в голову, другая — в грудь. Он упал, но еще не потерял сознания и притворился мертвым. Однако эсэсовский офицер, командовавший расстрелом, видимо, был опытным палачом. Осматривая трупы, он понял, что этот партизан, может быть, жив, и постарался добыть его ударом автомата по голове.

У него рука изменила гитлеровцу, то ли Франческо оказался особенно живучим, но через некоторое время он очнулся и, весь окровавленный, собрав последние силы, вылез из-под трупов и убежал.

Сейчас обо всем этом напоминают пять шаров на теле, рубец на виске от удара немецкого автомата, несгибающаяся нога да часто одолеваящие боли.

Но это не мешает Франческо Катупро быть человеком кичливым, полным вульгаризмов. В январе 1942 года в гни авиаторского военного отношении к жизни. Паренин собственную смерть, он как бы сто-

рично родился на свет уже в сознательном возрасте, и сердце его словно намертво расплуталось наветру всякому светлону, хорошему, что есть на земле. И что мы делаем в парадоксично сам заставляя думать? Может быть, как никто другой, умеет он радоваться и яркому солнцу, и синему небу, и теплону морскому воздуху, и зеленым траве, и гласным, добрым людям, живущим на земле. Но самым светлым и дорогим для него всегда останется память о партизанской борьбе, память о многих друзьях павших в той же борьбе.

В тот первый вечер нашего знакомства после ужина в ночном ресторане-поплавке на берегу моря, после чудесного полуночного фейерверка в одном из городов Ривьеры Франческо привел меня к себе домой.

Он теперь — маленький капиталист — предприниматель, владеет в провинции двумя-тремя автоматами, продающей бизнес фирмы «Эксель» и имеет право «предпринять» иуд доволно успешно — оно приносит колоссальный приличный доход, быть может, в первую очередь благодаря удачно выбранному местоположению — в самом начале оживленного, всегда наполненного машинами шоссе Генуя — Милан.

Несколько лет назад был перевезен в большую скалу на повороте шоссе в три километра от города. Принадлежит он парадоксично сам заставляя думать и вал монолитный камень, когда шло строительство. И как бы камешник принимал собственноручное участие в постройке дома, стоящего наверху, над станцией, на гробе скалы, куда ведет крутая лестница в два десятка ступеней. Здесь живет вся анголическая семья Катупро — три дочери, зять и любимая жена — вдова итальянца Уго Марко. У самого Франческо есть в характере что-то детское — радостно-неосредственное, восторженное, иногда даже чужающее. Может быть, поэтому он так почти болезненно любит детей.

Он однажды был с ним долог ходить и здания по улочкам Генуи, и бывал не чередом, но несколько раз в год. Франческо не любит говорить, чтобы говорить с кем-нибудь. У меня было такое впечатление, что по крайней мере половина населения этого большого города — его личные знакомые.

— Ты, наверно, был бы хорошим мэром... шутя сказал я. — Знаешь стою к городу?

Франческо в ответ серьезно покачал головой.

— Нет, мэром я не смог бы быть — я простой человек и мало учился, — сказал он со вздохом. — Но я, наверно, сумел бы стать хорошим директором детского дома или интерната. Я мечтаю работать среди детей. Насколько лет назад бывшие генуэзские партизаны решили построить школу-интернат для детей борцов Сопротивления. И именно в главных финансистов в этом строительстве оказался Франческо Катупро — он взял на себя все расходы по оборудованию дома отоплением, водопроводом, канализацией. Потом мы встретились с ним, когда интернат этот был уже готов и заселен ребятами. И он читал мне вслух письмо, которое прислал мне в детстве, благодарившего старого партизана за его щедрый подарок заботу и любовь. Читал он с какой-то ребяческой радостью и плакал и нахлывались на него добрых и нежных чувств.

Франческо теперь уже почти не работает на своей автостанции — это только руководит предприятием, а все остальное делают его зять и дочка. Но он все же любит работать. Он любит фотографировать, и в свободное от времени он по привычке приходит в свой маленький застенчатый кабинет при гараже, где на рабочем столе всегда стоит фотография красного молодого человека со смелым и благородным лицом — его лучшего друга — героя лигуринского Сопротивления коммуниста Рино Мандолли, зверски убитого фашистами в годы войны. Франческо не любит говорить о нем, но, как говорят о любимом брате, и чувствовалось, что вспоминаю об этой дружбе будет светить ему теплым огоньком до конца его дней.

Нам на другое утро Франческо повел меня на знаменитые генуэзские кладбища Стальена — целый музей авиационных статуй, надгробий, надгробов, раскинувшийся на склоне горы среди огромного зеленого массива. Там, в самом центре этого кладбища, лежит «Камо лелева gloria» — «поле славы» — большая солнечная поляна, где, подобно войскам на параде, стройными рядами вытнувшись одинаковые могилы павших борцов Сопротивления. Мы с ними поехали в надгробия Рино Мандолли, а потом Франческо показал мне другую могилу, которая на несколько лет стала для меня не дающей покоя загадкой, предметом долгих и трудных поисков.

То была могила безвестного советского человека Федора Поетана, германские солдаты погубили в боях за свободу Италии и ставшего после смерти знаменитым героическим именем.

Франческо Катупро был первым человеком, который привел меня к этой могиле. И все последующие годы, когда я разыскивал родных и близких героя, Франческо так, в Генуе, помогал мне чем мог, добывая необходимые сведения, опрашивая бывших партизан. А когда некогда загадка была разгадана и легендарный Федор Поетан превратился из реально живого колхозного кузнеца Федора Андреевича Полетаева, ставшего через 18 лет после смерти Героем Советского Союза, Франческо Катупро летом 1963 года пришел на это кладбище уже вместе с женой и детьми Федора приехавшими поклониться могиле мужа и отца. А еще год спустя, стоя с группой друзей-латвийцев на могиле, он рассказал мне в первый раз о своем плане крадущего танкер «Федор Полетаев», построенный здесь на верфях по заказу Советского Союза.

Таким мой друг Красный — старый боевой партизан Франческо Катупро. Таковы мои друзья — генуэзские партизаны-коммунисты. Я горжусь и им дружить и люблю их славный рабочий народ так, как будто прожил в нем долгие годы.

В первый раз, когда я был в Генуе в 1960 году, прощаясь перед отъездом с партизанами в «АНТИ», я поднял бокал с итальянским вином и сказал им, что узнаю на их города «хруст по дивензоне» — немножко генуэзцев. С тех пор я еще дважды побывал там, а еще «немножко» угрозился, и мне в следующий раз пришлось вернуться в Геную. Генуэзцы — мои друзья, постоют у могилы Федора Полетаева, ходят вместе с Бини по крутым и узким генуэзским улочкам, поведут за гостеприимным столом в доме Франческо Катупро, распростируют Григорю о делах лигуринского партизанского братства, промчатся с Святзой по горным дорогам Ривьеры, поведут меня в горы. Генуя! Да свидания, да новых встреч, мои дорогие друзья генуэзцы!

Эмманюэль РОБЛЬ

ЧЕЛОВЕК С БЕЛОЙ ГВОЗДИКОЙ

РАССКАЗ

РИСУНОК Г. НОВИКОВА

— Не бойтесь, мадемуазель, эти парни вас даже и не разглядят.

Она совсем не боялась. Над остальными чувствами преобладали любопытство и отвращение. Люсьена наблюдала за тем, как полицейские в форме устанавливали против одной из стен коннаты два прожектора, полностью освободив у этой стены место. Подумать только, она должна была этим вечером, закончив отпуск, уехать из Барселонь! Один из инспекторов, по имени Альвер, худощавый и смуглый, проваля все время каллициною, раздражавшую ее утихостью.

— Они никогда не узнают, что на них смотрели такие прекрасные глаза!

Глупо. Ей было жарко, она сожалела о своей неосторожности и припухавшая и раздававшаяся в коридоре топоту, шуму шагов.

Если это дело примет плохой оборот или инспектор решит задержать ее для продолжения следствия, она может опоздать на свой поезд. Мысль о поезде отвлекла ее от того, что водилово ее минуту назад и вероятно сжимало сердце.

— Через пять минут все кончится, — произнес Альвер с сильным севильским акцентом.

Вероятно, ее лицо явно выражало волнение, если этот идлот счел нужным ее усложнять. Сидя в середине коннаты на соломенном стуле за прожекторами и скрепив ноги, Люсьена начала тщательно подмазывать губы, следя в зеркальце пудреницы за движениями заканчивающих свои приготовления полицейских.

«В следующий раз я попридержу язык», — подумала она.

Все началось прошлой ночью в барселонском отеле. Июльская дух-

та заставила Люсьену подняться с постели и подойти к распахнутой двери балкона. Балкон выходил на пустынную в этот час улицу, где с большими интервалами проходили в сторону порта грузозвонки. Их было, быть может, всего лишь два или три за то время, пока она, опершись на балюстраду, жадно вдыхала легкую, доносившуюся с моря свежестя и вспоминала о трех неделях своего отпуска, половину из которых она провела у своих друзей в Танжере. Как быстро промелькнули эти три недели!

Человек, бежавший рысцой внизу вдоль ряда деревьев, не заметил ее. Она с любопытством следила за ним. Он приблизился к газетному киоску, вытащил из-под рубашки лист бумаги, развернул и, видимо, клеив из тюбика ловко приклеил его. Слабый свет фонаря на перекрестке позволял прочесть на листе одно написанное четким шрифтом слово: *Pueblo*¹. Другие слова на таком расстоянии различить было невозможно. Едва лишь Люсьена поняла смысл этой сценки, как она услышала тихий свист. Незвестный встревожено повернул лицо в сторону сбегающей вниз улицы, где, по-видимому, находился его сообщник. Истинно так он поднял глаза к балкону. Взорванная Люсьена плохо разглядела его лицо, обманливое густой шевелюрой, напомиравшей берет. Незнакомец уже бежал с удивительной быстротой и ловкостью. В этот момент из бокового проулка вынырнул длинный черный автомобиль и, не выключая фар, уверенно свернул по направлению к отелю. Казалось, что

¹ Pueblo (исп.) — народ.

молчание улицы внезапно густолюлось под тяжёлым летним туманом, заволакивающим небо. Машина проехала вдоль тротуара, остановилась возле калитки. Из неё вышел полицейский, он бросился к планту, яростно сорвал его. Люсьена услышала треск рвущейся бумаги. Она отпрянула назад. Автомобильные фары были по-наджон на огромные, раскрасневшиеся глаза. Из неё вышел полицейский далеко в порту прогудело буксирное судно. Один лишь гуко, властный, как будто призывающий к вниманию. Люсьена зябло запалазнула пикнику. Затем рырнулся вперёд, вырвавшись близко, звук был сухой, без заа...

За общим завтраком в отеле безлозжного вида старик с бесконечными губами пробормотал что-то о разбухшем его выстреле. Некоторые тоже его слышали. Люсьена, не замечаясь, рассказала о том, что видела: какой-то человек приклеивал плакат, видимо, нелегальный. Полицейские глядели за ним по пятам. Наверное, выстрел был в какой-то салон, но сейчас эти детали ему не последовало ни вопроса, ни комментария. Эту сдержанность несколько удивила Люсьена, но потом она о ней позабыла. Час спустя, когда она собиралась выйти из отеля в холл, увидела трёх сыщиков, одним из которых был инспектор Альварез. Под странно прищуренным взглядом экономки отеля мадам Русс он начал задавать Люсьене вопросы. Начоружившаяся Люсьена сказала, что совершенно не может описать этого человека из-за плохого освещения и слишком быстро развивавшихся событий. Поначалу ей казалось, что Альварез удерживает её, она была не уверена, что у неё есть право уходить. Улыбкой, изучающе смотрел на Люсьена. Когда же сыщики решил подняться к ней в комнату, Люсьена попыталась запротестовать, но он предложил экономке пойти вместе с ней на площадку, чтобы они могли поговорить. Люсьена согласилась. Она не скрывала своего неудолюствия, которое явно забавляло инспектора. С балкона Альварез долго молча разглядывал окнос, ряд деревьев вдоль озера и не говорил ни слова, пока что это всё закончилось.

В полдень, возвратившись из бассейна, она увидела в холле отеля двух инспекторов. Они, видимо, ждали её давню: рядом с ними стояла пеленица, полная откровений. Вначале она отказалась следовать за ними, несмотря на предвзятую ей Альварезом официальную бумагу с печатями. Тогда инспектор, продолжал улыбаясь, гаворачивал в крайнюю сторону. Право, речь идет о пустой формальности, это отнимет у неё лишь несколько минут...

«Внезапно она прожорачива зажилась, и стелна заслила нистермид безликой. Оспенелые этой решим своето в люд, аозарача втегуелуку этого помещеие, замуририл глаза. Их было восемь, все трое одеты. Оди были принимали равнодушной вид, другие казались озобченными или обеспокоенными. Лишь один держал впереворачиваво свободу, третий слева, молодой, с застенчивым и лукавым кошачьим лицом. Это и был тот, кто наклеил плакат. Из верхнего карманчика его потвортой куртки торчала попурусупустившаяся бумага с красными шрифтами. Ее элегантый вид был несколько неуместным в этой обстановке, и в то же время гвоздика гармонировала с лукавым взглядом и неударива в Я удивилась, почему не старшегогого с достоинством перевернуть эту небольшую неприятность. Это был он, вчерашний незнамец, мускулистый, с густыми волосами... Почти того же возраста, что и Люсьена...

на: от двадцати шести до двадцати восьми. Сильные кости рук висели вдоль тела в том положении, как при выстреле полагается. Трост, выстроенные в ослепительном потоке света, восемь подорожавемых шурдился от боли в глазах, но некоторые пытались разглядеть стоящую у темноты Люсьене. Ей было стыдно, она чувствовала себя угнетенной, но она понимала, что теперь главное для нее—это самообладание. Прежде всего не разглядывать его, не выдать своего волнения! Она повернула голову к последнему в ряду, со ступенями, ждали от него ответа, тут же сказал, что ни один из этих людей не напоминает ей того, кого искали. Но она не смогла произнести ни слова. Сыщики, стоявшие за ее спиной, ждали. Они могли истолковать ее молчание в свою пользу, и эта мысль была для нее невыносима. Ее взгляд перебегал с одного лица на другое; лица этих людей были полны горести. И только человек, находящийся в центре, поднесла правую ладь, ноа, что у него была такая же покоряная пола, как и у других: ноги по стойке смирион, опущенные руки, вскринутая голова—все согласно приказу.

— Итак!—спросил Альварез. —Того здесь нет.

Под лущим прожорачива шевелора человека с гвоздикой отливала металлическим блеском, как будто на нем была каска. Его невыразительное лицо на первый взгляд ничо как бы освещалось изнутри вспыхивавшими искрами веселья.

— А это в синем, вон там!.. Взгляните на него получше!

Альварез указал в сторону человека с гвоздикой, в синей шпалерной блузе, с валлийскими циками и испуганным взглядом.

— Мы задержали его тоже около вашего отеля.

— Но я запротестовал, что не разглядела его лица.

— Неважно,—сказал он с некоторым нетерпением.—Ведь еще есть силует, походка...

Люсьена ненавидела Альвареза. Как он любил повторять: «Учен я ушел тай! «Простая формальность! Это отвратительная сцена—простая формальность!» Она подыкала. Она знала, что была очень бледна. Она знала это, потому что у нее совершенно помертвели губы и щеки. Альварез, казалось, вынимательно к ней прищуривался.

Она отвернулась от стоящих перед ней людей непроизвольным движением, как бы чтобы уйти прежде, чем кто-нибудь ее увидит.

Она испугалась. Он повел, этот Альварез, ум был яркими подобными очные ставки, он был хорошо вооружен против неопытного, колеблющегося свидетеля.

— Я знаю, что якую кону могу, но я не могла бы не заметить,—сказала она на тот раз ирживым тоном, подававшийся к Альварезу.

Он курнул, и когда подыоско ко рту руку, перстень почтой поближился, как световой сигнал.

— Мы кончили!—спросила она холодно.

Инспектор не ответил. Он курнул с тем же ааудинным видом, как и тогда, на балконе, но его молчание было жестоко Люсьене. Накала воздух, прожорачива на длинных стенах ствержая резко делили помещеие на две по-прежнему сплоские, как полицейским, а в бесподородно ярко освещенной стороне ждали восемь задержанных в напряженных позах. Только он бодет разоблачен, его избывают до полусмерти, чтобы заставить выдать своих сообщников, и затем оторвать гинть в тюрьму.

Мысль об этом ужаснула Люсьена. Все в ней протестовало, она была готова закричать, и все же осторожность заставляла ее сдерживаться. Инспектор вновь заговорил нарочито низким тоном:

— Однако вы провалете к этому субъекту больше внимания, чем к другим!

Люсьена не сумела сдержать своего удивления. Она попыталась ответить несколько иронично:

— Альварез улыбнулся в свою очередь, и эта улыбка вновь обострила страх Люсьене. Не ошиблась ли она в чем-нибудь? Неужели ему удалось что-то подметить?

— Но инспектор Говорил теперь, склонившись к ней, подчеркнуто доверительно:

— Этот молодой Самсон найдет когда-нибудь своего Дилангу...

— Но как может, доверительно проговорила она поспешно, смутно почувствовала в этой фразе окричительный для себя намек и решил наконец покончить со всем этим. Она боялась поспеш в каюю-нибудь поаву-у-у, но не хотела выдать человека с гвоздикой.

Она боялась теперь взглянуть на него. Поворачившись к инспектору, она уже настойчивее повторила:

— Разумеется, инспектор! У меня уйдти!

— Разумеется,—на тот раз твердо проиниз он.

Люсьена направилась к двери, по обеим сторонам которой стояли, расставив ноги и залопнив руки за спину, двое часовых. Вид этих людей привел ее в смятение. Быть может, инспектор просто солгал? Хотят довести ее нервиое напряжением до предела, заставить выдать себя в минуту слабости? Но нет. Ее пропустили, Альварез вышел за ней в коридор, светским фразам выражая ей благоговенность. Это раздражало ее, и она, не выдержав, шум сказала:

— Вам не за что меня благодарить.

— Это переживите! Не говорю полосу света, проникавшего через большое, выходящее во внутренний двор окно. Освещенное окобу бесцветное лицо Альвареза показалось ей вдруг жестким, даже грубым из-за сильной резкой тени.

— Зачем отказываетесь от моей благодарности, мадемуазель? Вы често сотрудничали со мной. Я не могу полагать, я надеюсь, что если бы вы узнали нашего злоумышленника, то узнали бы и нас.

Он шел слегка позади, гулко стуча каблукими по большим плиткам. Люсьена была готова возразить. От негодования и нее пережатло дыхание. Но в последний момент она остановилась, и мимолетно сказала:

— Не правда ли!—сказал инспектор миролюбиво.

Вот тут-то и была ловушка.

Если она открыто проявит свою враждебность, отвращение, то какой образ примет вся эта сцена! И в данном случае от этого не так— произнесла она наконец.

— В этот момент они оба дошли до края лестницы.

— Не отказывайтесь от ответа,—сказал Альварез с хитрой улыбкой.

Опасности! Опасности! Это слово возникло, но исчезало в моту Люсьене, вся она была настроена.

— В лучшем случае все бы его узнали... и изобличили!

Мелкая люсьена. Люсьена согласалась о ее провокационном давлении. Она посмотрела вниз, увидела часовой, стоявшего у нижних ступеней, поближился к лестнице.

— Почему бы и нет!—сказала она.

— Несколько секунд инспектор, казалось, раздумывал над этой репликой, опершись правой рукой на перила.

— В добрый час!—сказал он без уверенности в голос.

— Вы собираетесь сразу отступить эти люди?

Какая неосторожность! Не говоря ли такой вопрос, кто и заданный равнодушно ответил о таянне сирены! Альварез наклонился к ней быстрим движением и сказал:

— Почему бы и нет?

Лучше было не настаивать. Люсьене хотелось схватить стиральную машину, но после легкого раздражья начала спускаться с нарочито сплоским шагом. Вспеть вниз она осуждала на себе взгляд инспектора.

Отыпавшись на улице, она перешла мостовую, остановилась в ожидании свободного такси. В этот момент Люсьена увидела, как выходит из тевосем. Не говоря ни слова, она развилась в разные стороны, слетая и от здания полиции, и даже не заметив Люсьене, стоящей на противоположной стороне тротуара. Закурив сигарету, танцующую походкой акробата прошел парень с гвоздикой.

Люсьена добралась наконец до отеля, где она заперлась до вечера. Однако еще задолго до отхода поезда она пошла уплатить по счету мадам Русс. Та всколых упонично не стала разглядывать Люсьена, но она дала ответной реплики, тут же пожелала Люсьене счастливого пути.

Когда Люсьена добралась до вокзала, уже опустилась ночь, легкая и морозная. Она увидела какой-то человек, напоминавший ей тотчас же другой, встречающийся в наемном одним словом, написанным краской цветом красной. Девушка вышла на перрон в тот момент, когда кочкал формировалась железнодорожный состав во Францию. Близость отъезда несколько смягчила ее тревогу, сжимавшую сердце весь этот день.

В юле было пусто и тепло. Впрочем, Люсьена была не одна. Люсьена на начала начать свое место, взглянула в переднюю и увидел мадам Русс, квитанцию на билет. И тут она увидела, что на ее месте лежит какой-то предмет, который она в темноте не могла разглядеть. Удавленная и встревоженная, она повернула назад и встала, выключатель и в свете платформы обнаружил на камienne бужет белых крапчатых гвоздик.

Свое место Люсьена заняла в вагоне, она рафич, цветы пахли весной. Люсьена несколько опустила раму окна, огладела платформу, где суетились пассажиры, но, кажется, никто не обращал на нее особого внимания.

— Две старые дамы; у фонтанчика напояняли свои флажки солдатов... По другому пути скользил паровоз.

К концу подступила теплая волна, гонимая трясью, которая Люсьена.

До отхода поезда она стояла перед окном, держа в руке цветы.

Перевела с французского И. ШЛИНИНС.

Зураб Самандлидзе. Может стать «звездой» мировой величины, но для этого требуется время и терпение.

Модестас Паулаускас. Редкая игровая мощь, смелость, хладнокровие, превосходное баскетбольное мышление.

аргумент в споре

Анатолий ПИНЧУК

Фото А. БОЧНИНА

В молодости мой собеседник играл в баскетбол, и играл неплохо, свидетельство тому — звание мастера спорта. С карьерой игрока он распрощался без малого два десятка лет назад, но по роду своей деятельности и сейчас имеет самое прямое отношение к нашим ведущим баскетбольным командам. С его мнением считаются, и его оценкам и рекомендациям прислушиваются.

Разговор наш состоялся вскоре после турне баскетболистов сборной

СССР по США. Само собой разумеется, что главной темой разговора стал вопрос о том, догонят ли советские баскетболисты американцев.

Он сказал, что цель может быть достигнута только в том случае, если ставка будет сделана на молодежь. К этому заявлению я отнесся спокойно: никаких «открытий Америки» оно не сулило, в спорте ставка всегда делается на молодежь. Но то, что я услышал затем, превратило нашу мирную беседу в ожесточеннейший спор. Вот какую реформу предложил мой собеседник и какими аргументами он обосновал ее необходимость.

В баскетболе необходимо ввести — по крайней мере на несколько ближайших лет — возрастную цензу. В каждой команде, как известно, дванадцать игроков. Только четверо из них должны быть старше 26 лет. Оставшиеся вакансии заполняются молодыми игроками. Мы не должны забывать о том, что в баскетболе даже очень хороших спортсменов. Нам не должны пугать временные неудачи, которые, безусловно, будут: они окупятся с лихвой. И ни в коем случае не следует считаться со скептицизмом, нельзя всерьез принимать во внимание всякого рода «либералов». В проведении курса на молодежь надо быть твердым и последовательным. Небольший исторический экскурс.

В 1952 году на XV Олимпийских играх советские баскетболисты впервые встретились со своими американскими

коллегами. Преимущество американцев в росте было настолько велико, что победа над сборной СССР, по существу, была обеспечена еще до выхода на площадку. В советском баскетболе был взят курс на рост в буквальном смысле этого слова. Команда, в распоряжении которой были «двуметровки», получала право считаться одним из сильнейших и наиболее успешных. Реформа эта тоже была многим не по душе. Но благодаря ей наш баскетбол сумел сделать резкий рывок, надолго закрепил лидирующее положение на нашем континенте и стал вторым в мире.

С тех пор, как мы ликвидировали преимущество американцев в росте, у них остались еще и не единственные, но уж во всяком случае самые главные козыри — опытная, всезнающая и всеумоющая молодежь. Американские команды — это команды молодых ветеранов. И не ясна ли причина, в силу которой молодой баскетболист-американец куда опытнее своего советского ровесника? Просто, традиции свои ни при чем. Нет дела в том, что тренеры США больше, нежели наши, доверяют молодым игрокам. По рассказам специалистов, также наши юнцы, как Паулаускас и Саканделидзе, ни в чем не уступают юным американским. А мы с вами знаем, что Паулаускас и Саканделидзе ни в чем не уступают и нашим ветеранам. Так не само ли собой разумеется, что после введения цензу Паулаускасов и Сакандели-

дзе у нас будет предостаточно?

Такова была точка зрения моего собеседника. Здесь были упомянуты имена Паулаускаса и Саканделидзе. Оба они действительно зарекомендовали себя игроками высокого класса, но по молодости лет еще не очень хорошо знакомы читателям.

Так уж повелось, что, когда речь заходит о Модестасе Паулаускасе, обязательно упоминают и Зурбаб Саканделидзе. А если первым в разговоре назвать Зурбаба, то можете быть уверены: если не сейчас, так через минуту-другую придет черед и до Модестаса.

А между тем «сиамскими близнецами» для этих оценок неплохими, очень разных игроков делают лишь чисто биологические данные. В один и тот же год оба были приняты в сборную молодежную команду СССР, оба довольно успешно выступили в составе этой команды, оба получили свои первые золотые медали год назад, после победы на первом чемпионате Европы среди юниоров. Общим прочнее местом в сборной СССР, оба довольно быстро и успешно сделали все для того, чтобы многочисленные пророки не краснели: накануне поездки в США и Паулаускас и Саканделидзе были включены в сборную СССР. Впрочем, Паулаускас уже защипал цвета национальной команды и даже участвовал в одном из трех матчей сборной СССР и США в апреле 1964 года,

но Зурбаб не обижается: он ведь на целый пять месяцев моложе). И одному и другому предсказывали, что в сборную СССР они пришли лет на десять. Что ж, надо полагать, и на сей раз пророки правы. Справедливости ради замечу, что такие предсказания не требуют от тех, кто их делает, ни особой прозрачности, ни особой смелости.

Видно, для того, чтобы им не путали, «сиамские близнецы» выступают на «бис» в разных турнирах. Саканделидзе был лучшим игроком сборной СССР во время турне по США, Паулаускас — на XIV чемпионате Европы в Москве.

Что-то сказал, что все плохие писатели пишут одинаково, все хорошие — по-разному. Этот афоризм имеет право хождения и в спорте. И Паулаускас и Саканделидзе имеют гротескнейшие черты. Но до чего же разные они за баскетбольной «доской»!

Даже не зная, что Саканделидзе по национальности грузин, можно было бы предположить, что он унаследовал на площадке. Темперамент, стремительность, легкость, изящество — сочетание этих качеств выдает в нем типичного представителя грузинской школы баскетбола. Саканделидзе, кто же не может не нравиться зрителю. На матч приходит не только для того, чтобы узнать, кто победит. Зритель — потому он так и называется — хочет увидеть красивое зрели-

ДЕВЧКА ГАЛЛА ПРОЗУМЕТОС

Недавно я снимал фильм о самой юной олимпийской чемпионке — девятикласснице 3-й севастьяпольской школы Галеи Проузумецкой. Мы очень подружались с Галей, и вот однажды она показала мне свои дневник, который начала вести, возвратившись из Токио. Мне удалось увидеть Галю, что выдержки из ее дневника будут интересны читателям «Смены». Они свидетельствуют о том, что интересы обладательницы самых высоких спортивных титулов не ограничиваются одним только плаванием. Она так же, как и другие ее сверстницы, думает о будущем, переживает, мечтает, любит...

Я встречалась с Галиным тренером, учителями и подружками, разговоры с ними записывала на магнитофон. Некоторые из этих записей дополняют Галин дневник.

Борис РЫЧКОВ,
дипломник режиссерского факультета ВГИКа

Для успеха почти шестнадцатилетней у меня много идей, и, можно сказать, многое испытала. Я видела много городов, как советских, так и зарубежных. Я испытала радость победы и горечь поражения. Мне даже кажется... Почему так бывает в жизни? Человек, который тебе нравится, и ты с тренером вспоминаешь о нем, тоби не любишь и би, не может вылезать из тебе никуда, кроме ясных и то не всегда! Мне кажется, что мы не поняли друг друга. Может быть, он меня поймет когда-нибудь, как Олегин понял Татьяну.

РАЗГОВОР С ТРЕНЕРОМ

— Елена Лукьяновна, а друг Галки volleyball? Тогда — прощай репортаж! Неужели так и бывает. Но за Галку я сплюнона. Она себя в руках держит умел — тренерами пропускать не будет.

С одной девочкой и дружку уже четыре года, а другой только что пошла. Мне нравится, что новая подружка лучше. Она лучше одевается, она умеет вести себя с мальчиками. Но потом я поняла, что она все время хочет показать, что с ней дружит не кто-нибудь, а мировая рекордсменка. Да, я обижалась. И наша юная олимпийка чуть не потеряла истинного, настоящего друга.

РАЗГОВОР С ГАЛИНОЙ ПОДРУГОЙ

— Наверное, трудно дружить с олимпийской чемпионкой?

— Она как была для меня Галкой, так и осталась. Только вот уезжает часто. Симу за лартой одна и случается.

Саввала зачет по алгебре. Получила 5.

И. И. очень хвалила меня.

Получила по алгебре 2.

И. И. хотела показать, что и для нее такое же, как и все.

РАЗГОВОР С УЧИТЕЛЬНИЦЕЙ
АЛГЕБРЫ

— Снимайте, нам Галля устала!

— Математика ей дается очень легко. Она почти не готовится. А на контрольных успевает даже другим подсаживать.

Вспоминаю первую свою заграничную поездку. Перелетом Европы. Думала ли я тогда, что год спустя мне придется работать в несколько раз больше? Хоти мне и тогда казалось, что я работаю очень много. Когда я сейчас вспоминаю свою первую поездку, мне хочется представить себе, на какой я тогда была. Я вспоминаю свой первый банкет за границей. Несколько иностранцев приглашали меня танцевать, но я не танцевала. Мне не хотелось, что я еще слишком маленькая, и я отказывалась. Я думаю, ребята тогда ставили меня в пример своим сестрам. Как и теперь! Наверное, потому, что очень приятно вспоминать детство.

Пришло письмо из Японии от Норико. И вновь посмотрела картинку, снятую в Японии. Хотелось бы увидеть. Всегда приятно вспоминать победы. Уже прошло довольно много времени, но я по-прежнему хорошо помню токийский стадион.

Пришли мы в бассейн рано. Смотрят другие пловцы и не любят, потому что мы еще не начали. Больше всего не любят Елену Лукьяновну и меня. Елена Лукьяновна говорит: «Пора, Галля». Спала я почти два часа. Наманею Елена Лукьяновна мне сказала: «Галляное — это правильно со стартер уезжать на воду и сделать хороший поворот». А сплывай у меня еще недостаточное количество плавуче, то держусь у самой границы дорожки. Наконец объявили мой заплыв. Я вышла и умелочнее и чувствовала себя бодрее. Когда ставилось видя не подат, смесь, рассказываю что-то. Нельзи, я была так счастлива. Я была так счастлива, что когда мне глаза вижу, что Триммер уезжает, потом шведка, а за ней и все остальные. Ага, давай, мы тоже хотим бодрее. Когда ставилось, я тоже уезжаю. Потом дали команду: «На стартер». Я встала на тумбочку, а в голове охватило отягало, и я уезжаю, уезжаю и плыву и сделать хороший поворот. О победе я и не думала. Плывть было легко. После

ше. И когда на площадку выходит Сакаидзидзе, зритель получает то, что хочет. Мне почему-то кажется, что в пустом зале игра Сакаидзидзе потускнела бы. Ничего не подлаживай: Зубаб любит нравиться, ему нравится быть любимым. В этом нет ничего плохого: любовь должна быть взаимной. Плохо другое: Сакаидзидзе — будем считать, по молодости лет — иногда перебарщивает. Есть в баскетболе закон: в прыжке пасовать нельзя. Конечно, исключения могут быть, Сакаидзидзе, вырвавшись шахматным языком, такого рода «ненормативные жертвы» делает часто, слишком часто для гримасистей. Тренеры его поругивают, а он чет-нет да и забывается. А может быть, дело вовсе не в забывчивости: зрители в отличие от тренеров такие передачи очень любят...

И Модеста Паулуасска зритель своей любовью не обделил. Но Модеста этой любви не шибко, он ее как-то стесняется. Его красота строга, сдержанна. Сакаидзидзе получает первую порцию аплодисментов уже на предматчевой разминке: точная фигура, изящные движения, к тому же он показывает все, что умеет, и все, что имеет... Паулуасска на разминке не замечает. Нет, я не прав. Его, конечно, нельзя не заметить. В глаза сразу же бросается его медвежья, совсем небаскетбольная фигура. Он больше походит на борца, которому тренер посоветовал заняться баскетболом. Флегматичный,

несколько угловатый, он с лентой, вперевалочку — куда торпится, не игра ведь — не то бегайт, не то расхаживает по площадке.

Начинается матч, и вы видите уже другого Паулуасска. Теперь уже ясно, что его рабочее место — баскетбольная площадка. Пропаля угловатость, нет в позинке и лянцы. Так преобразается тигр, который только что увидел и облюбовал жертву и готовится к прыжку. Но вот раздался свисток: то ли тренер взял тайм-аут, то ли меняют кого-то из игроков. И опять вы видите борца, новость как поповского на баскетбольную площадку. Это Паулуасска позвонил себе отдохнуть: впереди игра, силы надо экономить. И он экономят не по своим правилам медицины, зато двадцатилетний эрационалист.

Ветераны редко жалуют юнцов. Может быть, они напоминают «старикам» о том, что скоро надо будет распрощаться со спортом. А может быть, просто боится ошибиться. О Паулуасска я разговаривал со многими ветеранами. Либо оттопыренный большой палец, либо восторженная тырада — вот что получал в ответ, когда задавал вопрос о Паулуасска.

Кто-то назвал его Стонкусом образца 1965 года. Стасик Стонкус — один из тех очень немногих спортсменов, легенды о которых складываются при жизни. Это был баскетболист-солдат, баскетболист, которого любили и тренеры, и зрители, и журналисты, баскетболист,

которого нуемно много жалали, но все-таки не испортили.

Мой собеседник, доказывая необходимость возрастного ценза, все время оперировал именами Паулуасска и Сакаидзидзе. Но ведь в ту же сборную вместе с ними были еще два молодых игрока — Николай Сушак и Амирхан Схирвали. Он не называл ни того, ни другого потому, что отлично знал: их присутствие в сборной СССР объясняется не столько игровой необходимостью, сколько давней этому возрастному цензу, по-моему не адекватной в силу.

И у Сушак и у Схирвали последние физические данные (рост Николая — 206 см, Амирхана — 200 см), сами хорошо сложены, умеют бегать, прыгать. Они, наконец, настоящие спортсмены — мужественные, дисциплинированные. Лет 9—10 назад они наверняка были бы премьерами: а те годы на все золото ценится любой двухметровик, даже не умеющий быстро бегать и высоко прыгать. Но баскетбол ушел вперед. Теперь его не интересуют ни высокие люди вообще, ни даже высокие спортсмены. Ему подавай игрока грамотного и опытного. А этим как раз Схирвали и Сушак угудить баскетболу не смогли: первые спортивные уроки Схирвали получил в 17 лет, а Сушак — в 18. Вот почему оба они оказались больше, чем умеют. И это не вина их, а беда...

Паулуасска же и Сакаидзидзе ничем не уступают ни своим амери-

канским ровесникам, ни землякам-ветеранам именно потому, что вошли в баскетбол в раннем детстве. И их то в отличие от Сушак и Схирвали взяли в сборную из уважения к молодости, а по праву сильных.

Я убежден, что и Сакаидзидзе и Паулуасска, которые играют сейчас уже хорошо, через шесть-семь лет будут играть еще лучше. Впрочем, если к тому времени будут существовать возрастной ценз, они могут оказаться вне большого баскетбола. Каяв-то надежда у них, правда, останется: четыре места на двадцать в каждой команде — для ветеранов, не молодых, а обыкновенных...

Мой оппонент может найти, если уже не нашел, предостаточно союзников. Мало ли в спорте горячих слов да и в привлекательности лозунгу «Дорогу — молодому!» не откажешь.

Я тоже не против молодежи. Я тоже за нее. Ее всегда принадлежало и принадлежат будущее, и не только в спорте. Но в подкачку молодежи не нуждается. Не надо ей облегчать путь наверх. Не нужно окружать ее таким вниманием, какое положено пенсионерам. Ей надо предоставить возможность бороться. Это, пожалуй, единственный вид помощи, в которой молодежи нуждается.

Думается, что только что начавшаяся спортивная биография Мисаэла Паулуасска и Зубаба Сакаидзидзе — веский аргумент в споре с моим, уже, реально существующим оппонентом.

150 метров я увидела, что ушла вперед. Но еще не видела в то, что буду чемпионкой. Только за 25 метров до финиша поняла, что выиграла. И столько сил отбукло-то вальсало, что, кажется, еще 200 метров могла бы идти.

РАЗГОВОР С ТРЕНЕРОМ

— Елена Лукьяновна, каковы самые ценные качества Гали?
— Видите ли, Гали по природе своей боец. Уже в 12—13 лет она соревновалась со взрослыми и, когда проигрывала, не унывала.

Человек не может, по-моему, уделять одинаково внимание сразу нескольким делам... Совместить многое могут только исключительные люди, к числу которых я не отношусь.

РАЗГОВОР С ГАЛЕЙ

— У тебя уже есть все титулы, о которых только может мечтать спортсмен. Может быть, стоит тебе уйти из плавания и жить, как все девочки?

— А я уже не представляю, как это можно не плавать. Случно будет как-то. Как будто на пенсию вышла.

Профессия журналиста мне все больше и больше нравится. Кто такой журналист? Это человек, который знает историю и общается с людьми разных профессий, национальностей, взглядов. Но для того, чтобы стать журналистом, мне надо много работать. Прежде всего как можно больше читать и заниматься русским языком. Обещаю, что буду стремиться к этой цели. Мне нравится, что занятия журналистикой сейчас — это дорога в моей жизни. Хочется писать о спорте, который дал мне так много.

РАЗГОВОР С ГАЛЕЙ

— А ты не боишься, что за эти годы до Мениши подрастут новые девочки, с которыми тебе будет трудно бороться?

— Если даже я и не дойду до Мениши, все равно на олимпиадах я буду как прощала чемпионка или, быть может, в качестве репортера.

Совершенно нет времени писать, готовность и ознакомим. После соревнований в Ташкенте произошло лишь несколько дней, но писать о них почему-то трудно.

Поезда в Ташкент были просто замечательной. Главной ташкентской команды встретили на аркинии букетами цветов. А я уже мы побывала на соревнованиях, которые начались с часа вечера. В этот день мне предстояло плыть 200 метров. Прогнозирую, что не выиграла. Но я волновалась перед стартом. Я всегда волновалась перед стартом, даже тогда, когда была, мне ничего не стоит выиграть. По-моему, человек, который не волнуется перед стартом, — это человек, которому безразлично результат его работы. Волновалась я еще и потому, что хотелось показать результат лучше. А я не совсем в хорошей форме.

Второй день. Он так же, как и первый, проходил в подготовке и подготовке к соревнованиям. Но волновалась я до старта гораздо меньше, чем в предыдущие дни. В этот день я была в хорошей форме, что основную дистанцию и отработала и 100 метров можно пройти без особых усилий. Я даже не понимаю сейчас, почему так случилось. Факт тот, что на старте я была почти спойной и вот результаты в этом плавании. Победу Светлана Бабакина, ей удалось установить новый мировой рекорд, а я проиграла. И от души рада за Светлану и ее тренера, но в то же время не много завидую ее успеху.

РАЗГОВОР С ТРЕНЕРОМ

— Может Гали победить в Мениши?
— Думаю, что да.

БРАВО.

ЭТИ ПАРНИ И ДЕВУШКИ В СОЛНЕЧНЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ КОСТЮМАХ — УЧАСТНИКИ САМОГО ПОПУЛЯРНОГО В ЛИТВЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЗАСЛУЖЕННОГО НАРОДНОГО АНСАМБЛЯ ПЕСНИ И ТАНЦА «ЛЕТУВА». ОНИ МОЛОДЫ ТАК ЖЕ, КАК МОЛОДО И СВЕТЛО ИХ ЖИЗНЕРАДОСТНОЕ ИСКУССТВО, КОТОРОЕ ОНИ ДАРЯТ ЛЮДЯМ.
«ЛЕТУВА» УДИВЛЯЕТ И ОЧАРОВЫВАЕТ. БРАВО, «ЛЕТУВА!» ДОБРЫХ ТЕБЕ УСПЕХОВ!

Никто не умеет так задорно играть на бирбине, как делают это В. Александравичус, И. Чиплис, И. Яучишкис, К. Будрис и П. Будрюс.

Литовская полька — коронный номер ансамбля.

Знакомьтесь: Лайма Юкнайте и Мариус Вербицкас — солисты ансамбля, чародеи народного танца.

А когда зазвучит «Танцевальная сюита», кажется, что на сцену выплывает золотокудрая Неринга — девушка из легенды.

Фото М. СЛАВИНА

«ЛЕТУБА»!

а, я телепат.

При некоторых условиях я воспринимаю чужую мысль, чаще всего выраженную в виде образов, обозначающих действия или определенное место.

Мой друг, журналист, пишущий о науке, Михаил Басовая, много раз задавал мне вопрос:

Скажите, Вольф Григорьевич, как это у вас получается? Как вы это делаете? Я знал, что его мучит не праздное любопытство. Но что я мог ответить ему? По существу,ничего. Ибо я сам не понимаю, как это делается.

Только не подумайте, пожалуйста, что я хочу представить мои способности в этой области чем-то непознаваемым, сверхъестественным, таинственным. Ничего ни сверхъестественного, ни непознаваемого в них нет. Во всяком случае, невероятного здесь не больше, чем в любых других способностях человека.

Приведу простой пример. Представьте себе, что вы очутились в фантастической стране слепых. Вы, конечно, в той, которую нарисовал в одном из своих наиболее pessimистических рассказов Герберт Уэллс или куда перенес действие одной из своих маленьких драм Морис Метерлинь.

В этом мире слепых, где и не подозревают, что такое зрение, вы единственный зрячий. И до тошноты научный писатель настойчиво допрашивает вас:

— Неужели вы можете видеть предметы, удаленные от вас на десятки, сотни и тысячи метров? Невероятно! Ну, расскажите, как это у вас получается? Как это вы делаете?

А теперь отворачивайтесь от этих страниц. Закройте глаза. Откройте их. И попытайтесь объяснить этому дотошному писателю, как это у вас удается видеть.

Но вы все-таки будете в лучшем положении, чем я. Вы сможете объяснить ему бытовую сущность видимых людей, рассказать о том, как работает глаз с его линзой-хрусталиком и диафрагмой, которую преломляется изображение, поведать о нервных окончаниях — палочках и колбочках, воспринимающих разницу в силе освещенности и в длине волны. То есть вы сможете сообщить все, что ряд повстанцев ученых и основне тысяч обитателей в нашем зрячем мире установил как объективную истину. Ну, а если вы уроните этой стране слепых, где никаких научных опытов в области зрения не ставилось, вы окажетесь именно в том положении, в котором оказался я.

Но хочу сказать, что я единственный в мире человек, наделенный этими способностями. Откуда они? Но у меня они выражены, может быть, наиболее ярко.

Несколько слов о доводах ученых, выдвигаемых против существования телепатии: нет людей, которые могли бы довед участвовать. Это очень старе, и, на мой взгляд, очень наивно возражать против всего. Даже инстинктивно, что мыслительная деятельность человека сопровождается электрическими токами в мозгу электрических тонов. Их великолепно умеют снимать и записывать в виде дугинок кривых на широких лентах бумаги. При возбуждении, чем например, думает человек, тем резче обозначаются кривые линий. Значит, при рождении мысли возникает и летит в пространство электрическое поле. Это поле портриворые мысли? На это обычно возражают то инстинктивно, поле соответственно слишком мало, магнитное так ничтожно, что уме на прибором расстояние измерить его известными нам приборами невозможно.

Но это тоже не серьезное возражение. Я позволю себе привести несколько примеров поразительной тонкости человеческих чувств. Вспомните об опытах академика С. И. Вавилова, доказавшего, что человеческий глаз способен улавливать, ощущать даже отдельные кванты света! — Вспомните о фантастической умовола чувствительности насекомых, вставляющих в ленту художественного кино киномеханики и критики не замечает этого карда, мелькающего за 1/14 секунды, и совсем в другом углу сразу же мысленно взором следит за рывком. — Вспомните о других любопытных опытах и явлениях. Там же вы ученые не могли бы попробовать — пусть в виде первой гипотезы — высказать предположение, что чувствительность человеческого мозга и биотона, рожденная в другом мозге, значительно выше, чем у наших приборов? Почему не предположить, что один или не-

сколько квантов электромагнитного поля, попавшие в этот восприимчивый механизм, могут вызвать резонанс, своеобразный лантинный процесс. Значительно усилится и вызовет ощущение, аналогичные тем, что господствуют в излучающем теле?

Надо поставить опыты. Надо выяснить, участвует ли в передаче мысли электромагнитное поле. Со своей стороны, могу сказать: для меня почти безразлично, есть ли у меня личный контакт с моим индуктором или нет, то есть держу я его за руку или нет. Большинству же телепатов легче проникнуть в мысли человека, если они держат его за руку. Может быть, этот факт поможет в поисках истины?

Ну, а если окажется, что электромагнитное поле здесь не при чем, как быть? Видно, надо будет искать это еще неизвестное нам поле, которое ответственно за телепатические явления. Найти и изучить его. Овладение им может открыть нам новые, совершенно удивительные возможности не меньшие, чем открыто овладение электромагнитным полем. Вспомните: Генрих Герц открыл радиоволны в 1886 году. Невольно более чем за пятьдесят лет стало возможно радио, телевидение, радиолокация, нагрев металла и замалка тонами высокой частоты и т. д. и т. п. Почему же не искать, что новое, неизвестное поле подарила нас еще большими чудесами?

Что это за поле? Я, конечно, не могу ответить на этот вопрос. Известный советский ученый Кильберг высказал предположение, что это может быть волна гравитационного поля. А может быть, мы и вообще не знаем, что это такое. Но если бы нам всего восьмидесять лет назад ничего не знали о радиоволнах — гигантском участке спектра электромагнитного поля.

арсенале моих способностей есть и древнее умение — по желанию приводить себя в состояние каталесиса. Впрочем, потому что это великолепно, лучше мне изложить, с чем связано это умение, и в чем оно произошло у меня еще в детстве и стало первым истинным моего существования. Именно благодаря этому умению мог я в течение трех дней лежать без движения в хрустальной гробу в пансионате. Каталесис — это состояние полной неподвижности с абсолютной застывшими членами и абсолютной одеревенелостью всех мышц. Когда я вхожу в состояние каталесиса, меня можно полизать затылком на один стул, пяткой на другой там, чтобы образовался своеобразный солидный человек. Мне не приходится и на миллиметр над землей этого человека в обычном состоянии. А в состоянии каталесиса он может сидеть на мне столько, сколько ему захочется. Я в это время почти ничего не чувствую. Прерастает пропасть дыхания, исчезает дыхание, почти неуловимо биение сердца.

И. П. Павлов объясняет такое состояние: обчно оно наступает у нервных людей при внезапном сильном волнении, при истерии или под влиянием гипноза вызванных искусственно морфием. Я же, будучи детально, несильно часто делаясь самодостаточно, закрываю в соборании в единый момент всей своей воли, после многолетнего наблюдения самому себе: «Я Вольф Мессинг». После этого в состоянии каталесиса я не демонстрирую никаких признаков жизни во время сеансов «психологических опытов» этого своего умения. Я не демонстрирую встречать там своих подражателей, которые демонстрировали такое же «умение» с помощью механических приспособлений.

Помню, такое состояние демонстрировал на публичном сеансе в Париже. Я пришел на этот сеанс со своим доктором. Было все, как и при моих выступлениях в последние годы. Я глубоко вздохнул, протянул руки по швам и упал в кресло, вытянувшись, как струна. Помощники подошли ко мне, затылком и пятками на один стул. Уселся на него один из самых полных людей, присутствовавших на сеансе. Доктор взял за руку висевший между стульями человека и попытался пропалывать пульс. Его не было. Полная иллюзия каталесиса! Но я видел, что это не так.

Имя Волфа Мессинга широко известно. «Психологические опыты», е которыми этот интересный человек выступает уже более двадцати пяти лет, неизменно привлекают многочисленных зрителей. Суждения о его способностях к умственной деятельности и проницательности. По мнению одних, он чуть ли не ловкий фокусник, другие считают его сырьевым телателом. В науке сейчас нет единой точки зрения на телателитию — прямую передачу информации от одного мозга к другому.

Мессинг написал книгу о своей жизни, встречях, о своей работе. Мы предлагаем поделиться с читателем сокращенном изложении главы из этой книги, в которой он рассказывает о существовании и механизме своих способностей так, как он их понимает.

Книга Волфа Мессинга выйдет в свет в начале будущего года в издательстве «Светская Россия».

«К телателитию подошел мой доктор. Он пошел на пляж на обеих руках. Действительно, гуляла не было. Тогда он взял стетоскоп и послушал сердце. Это знало две секунды. Он поднялся, гневно сунул стетоскоп в карман и сказал:

«Сердце бьется отчетливо. Еще на сто лет хватит. Вставайте, чудотворцы!»

Вени «телателиты» друг другу. Я подошел и нему и дернул за руку. И из подмышками выкатился стальной шар. Принимая такие шары души и телу, «телателиты» переживали кровоносные сосуды, и пульс в местах рук прощупывал бы действительно невозможное. Кровь переставала поступать в руки. Конечно, ни о каком помехе в торопе похищении в течение нескольких суток или хотя бы нескольких часов не могло бы быть и речи. В руках от застой крови просто началась гангрена.

После разоблачения «телателитов» сила с себя и показала нам остальную свою довольно хитроумную механику: систему металлических стержней и корсетов с зажимами, которые намечались, за высоким воротником у затылка и кончались у плеч. Эти стержни и корсеты выдерживали не тяжести и его собственного тела и тела сидящего на нем человека.

— Видите, даже талия, очень тонкие и очень слонные чехлы психологические опыты порой становятся объектом шарлатанства...

В магнатистических странах очень распространены так называемые «консулты» и «науры» и в науры и консулты — это стержни красными домини гадюкой, марки, волшебницы, кирокотом на Елессисе. Паровоз на Уитер ден Линден в Берлине, встречал их и в паровозные вагоны, и в вагоны, и в вагоны. И ничего не изменил в сути дела национальной колорит, которая наладившая свой отпечаток на внешности характера, но без объективной ценности.

Понимая хитрости Пифело, раздававшего направо и налево (за деньги) талисманы, У него были специальные талисманы «от пуга и шута» в Бонне, «от нерожающих женщин», «для удач в коммерции» и так далее. И непонятно одно: почему, талисманы в немодные тысячи талисманов «для удач в коммерции», Пифело сам не стал миллионером? Помимо психолога Пифело, Шиллер-Шюльпинский определял характер, чит прошлое и предсказывал будущее только на основании почерка. Я убежден, что характер человека не может так или иначе не сказываться на его почерке. Великий Гете, ивеший колоссальную книгу «История моего поколения», вдум, что характер и вообще духовный строй человека выражаются в письме, но только в почерке, а в Бунзен-Альберс, и ничего не изменил в почерке, но абсолютно убежден, что ни прошлого, ни будущего по почерку узнать невозможно.

Кстати, Шиллер-Шюльпинский брался предсказывать и номера лотерейных билетов, в которых выигрывают в ближайшей лотерее. Когда мне об этом рассказали, я задавал только один вопрос: как номера лотерейных билетов графолог хотя бы для того, чтобы иметь возможность бросить свою совмешинулу и рисоватьную профессию?

Понимая и инстинктивное обоняние металлинских профессию и инстинкт, в котором можно бы только исполнить — сам одно время состоял чемпионом выдвинул вдум, что характер и индивидуальные инстинкты определенных кругов позволяют спиритизму. Членами этого общества было инстинктивно медитирующим. Надо различить, тем «водою читателя», которые, может быть, и слово-«спиритизму», «ведуну» иногда не слышали, что это такое.

Спиритизм — навзвод мистическая уверенность, будто духи ушедших могут приходить в контакт с живущими на этом свете людьми. Главное условие этого контакта — присутствие спиритов. Спиритизм — это способность собираться (иногда в специально для этого подготовленном месте) и общаться в одном покое. Спиритизм — это умение «подслушивать» друг друга, может быть, и слово-«спиритизму», «ведуну» иногда не слышали, что это такое.

лем на доске, даже по материализации духов. В простейшем случае, когда присутствовал «медиум-стуча», беседа с духом велась по алфавиту. Медиум впадал в транс, в состоянии транса — спиритическое. Через некоторое время раздавался стук в стену: «дух» сообщает, что он явился. «Выслушайте начинайте задавать вопросы. И выслушайте спиритиков. Их считали. Каждый вечер означала номер очерковой бумаги в алфавитном порядке произносился слова.

У других медиумов духи играли на гитаре, поочередно, гадя о в труднодоступном месте, у третьих — передавали газы, у четвертых — писали свои ответы мелом на черном доске.

Самым «слабым» медиумом у нас считался некий Ян Гузин. Он вызывал духов — Наполеона, Александра Македонского, Адама Мишенича... Думаю, он соглашался бы и на вызов самого Адама, если бы мне пришла тогда в голову такая мысль.

Наво я говорю, что этот человек просто обладал умением вызывать массовый гипноз и пользоваться им! Надо ли добавлять, что я был спиритом, но по моему глубочайшему убеждению, основан на обмане и шарлатанстве. Фридрих Ангельс в статье «Естественность в мире духа» охарактеризовала спиритизм как «самое дичное из всех суеверий». Д. И. Менделеев разоблачал также хитроумные приемы спиритов. Лев Толстой высмеивал спиритизм в повести «Плоды просвещения». Недавно мне пришлось быть на представлении спиритической «фирмы» в одной из деревень. Не было спиритических «чужда», а потом объясняли их нехитрыми механизмами. А знаешь, что произошло? В тот момент, когда я все время медиум Парьер, навин состояние, потом сам смеялся над спиритизмом, называя его «важнейшей глупостью».

Вряд ли, значительными телателитическими способностями обладал знаменитый вендун Каллиостро. Его настоящее имя Джузепе Балзагьо. Он родился на острове Сицилия в 1743 и умер в 1795 году в Форте Сан-Лео, близ Урбино, куда был заключен по призыву римского папы Пия VI. Он разгадывал роль врача, способного исцелять все болезни, естественствителя, алхимика, владеющего секретом философского камня, писателя, которому открыто будущее. Он уверял всех, что бессмертен, что ему уже тысячу лет. И со временем, он не оставил ни черта, ни записок: присылаемые ему невзвешанные подлоны. Его загадочный образ таявельно и с большим пересказом описан в биографии Александра Дюма до Александра Толстого. Но они являются фантастическими. Свое образование основывался на легендах и преданиях. В свое время и заинтересовало его личностно и проанализировала некоторые случаи, и с тех пор, как они поминены. Да, это был очень ловкий жулик, но не философ и не врач. И он никогда не стремился добиться успеха, были и очень сильные способности телателита.

Да, и талант. Чтобы «услышать» чужие мысли, мне нужна особая собранность чувств и сил. Но когда я достиг этого состояния, я могу читать мысли словно для меня, — мне не представляет труда «услышать», «читать» телателитический мысли любого человека. И практически любые мысли. Контакт за руку с индидутором мне помогает выделить из общего шума чужих мыслей те, что нужны. Я вно. Но я могу обходиться и без этого контакта. Кстати, когда мне завязывают глаза, мне легче работать с индидутором. И практически любые мысли. Контакт за руку с индидутором. И практически любые мысли. Контакт за руку с индидутором. И практически любые мысли. Контакт за руку с индидутором.

Личности индидуторов, которые мне помогают. Вероятно, потому, что они четкое, образно, а не в общем смысле, и без задания, и планируя, они могут выполнить. При доверительном отношении зрителей работа идет успешно, и планируя, они могут выполнить. При доверительном отношении зрителей работа идет успешно, и планируя, они могут выполнить.

При доверительном отношении зрителей работа идет успешно, и планируя, они могут выполнить. При доверительном отношении зрителей работа идет успешно, и планируя, они могут выполнить.

Самый трудный первый опыт. Он проявляется уровнем душевного настроя, собранности. Мои за-

вовмывается сочувственное отношение жюри и публики. Постому и начинаю с самого легкого споты.

Все своеобразное и сложное задание, тем легче и интереснее его выполнить. Все время сеанса надо иметь абсолютную уверенность, что задание выполнено. Но общепонятная необходимость при словных и рисованных работах. Так, например, когда я пишу, я должен слышать гудение о том, что он может услышать, и что он может услышать, и что он может услышать, и что он может услышать.

Не доводилось присутствовать при работе о том, что такое «телателит», — стандарт, образный, но не оригинальный. Но не оригинальный предков, или, наоборот, спиритов, но не оригинальный предков, или, наоборот, спиритов, но не оригинальный предков, или, наоборот, спиритов.

Сторонники первого течения зрения приводили массу доказательств, суть которых состояла в том, что чем primitivнее устройство организмы, тем сильнее ему телателит. Телателит эти люди объясняли, например, широким взглядом и другими фактами. Некоторые виды бабочек узнают о приближении родственной особи на расстоянии до километра. На счета телателиты они записывают и другие факты: одновременность взмахов крыльев стаи насекомых; бабочек, свивших ядом; голубятники объясняли удивительную одновременность действий рыбных стай. И так далее... Но чем выше развит организм, тем сильнее ему телателит. Я не хочу изобрести другого вида телателит. Я не хочу изобрести другого вида телателит. Я не хочу изобрести другого вида телателит.

Другие утверждают: инт. Все примеры, которые мы приводим, можно объяснить и другими способами. Бабочка находит друг друга по запаху — и ничего особенного не происходит. То же самое можно сказать и о животных. Так же как некоторые люди от рождения покрыты волосами.

Другие утверждают: инт. Все примеры, которые мы приводим, можно объяснить и другими способами. Бабочка находит друг друга по запаху — и ничего особенного не происходит. То же самое можно сказать и о животных. Так же как некоторые люди от рождения покрыты волосами.

Другие утверждают: инт. Все примеры, которые мы приводим, можно объяснить и другими способами. Бабочка находит друг друга по запаху — и ничего особенного не происходит. То же самое можно сказать и о животных. Так же как некоторые люди от рождения покрыты волосами.

Другие утверждают: инт. Все примеры, которые мы приводим, можно объяснить и другими способами. Бабочка находит друг друга по запаху — и ничего особенного не происходит. То же самое можно сказать и о животных. Так же как некоторые люди от рождения покрыты волосами.

Другие утверждают: инт. Все примеры, которые мы приводим, можно объяснить и другими способами. Бабочка находит друг друга по запаху — и ничего особенного не происходит. То же самое можно сказать и о животных. Так же как некоторые люди от рождения покрыты волосами.

Другие утверждают: инт. Все примеры, которые мы приводим, можно объяснить и другими способами. Бабочка находит друг друга по запаху — и ничего особенного не происходит. То же самое можно сказать и о животных. Так же как некоторые люди от рождения покрыты волосами.

Другие утверждают: инт. Все примеры, которые мы приводим, можно объяснить и другими способами. Бабочка находит друг друга по запаху — и ничего особенного не происходит. То же самое можно сказать и о животных. Так же как некоторые люди от рождения покрыты волосами.

Другие утверждают: инт. Все примеры, которые мы приводим, можно объяснить и другими способами. Бабочка находит друг друга по запаху — и ничего особенного не происходит. То же самое можно сказать и о животных. Так же как некоторые люди от рождения покрыты волосами.

ТРИ ПОХВАЛЫ

Юмористический рассказ

Это были похвалы не наих-нибудь неуважаемых людей. Хвалили меня мать, отец и художник. Сосед, знаменитый художник, подирепи похвалы моих родителей. Я тогда еще, наверное, в школу не ходил, а может быть, уже ходил в какой-нибудь начальный класс.

Когда я этот рисунок нарисовал, так я прямо запылал от радости: шутка ли, такой рисунок нарисовал! Я похвалился отцу, в его комнату, он как раз писал письмо моей бабушке, а я прямо на письмо попомню ему свой рисунок, и отец сманиул его со стола. Я облеп по помню свой рисунок на бабушкино письмо, и тогда отец спросил, что мне надо. Я сказал, что мне надо знать, нравится ли ему мой рисунок. И он ответил, что нравится. Хотя, как потом выяснилось, отец даже не видел, что там нарисовано. Я сказал так исключительно для того, чтобы я от него отвлался.

Мать печла блины, один блин у нее подгорел, и она бросилась и плите. Нам раз в то же самое время, когда я бросился к ней со своим рисунком. Она никак не могла перевернуть этот блин — и старалась как можно ближе поднести свой рисунок к ее глазам. Мать закричала, чтобы я немедленно ушел, но я не ушел, а спросил, много она всестами мнения я своем рисунке.

Это удивительно — замрчала она. Только потом я понял, что ей покналось удивительным, как это люди могут до такой степени мешать другим людям печь блины. Но я тогда не так понял это название воскащичине.

Знаменитый художник спал, но я разбудил его своим звонком. Он, зевая, стоял в дверях, а я показывал ему свой рисунок. Он поглядил меня по голове, убрал волосы с моего лба, уццикнул мне за ухо и сказал:

— Это хорошо... это хорошо...

Он тут же захлопнул дверь, а я снова запырал.

Но это было плохо.

Все это было плохо.

Потому что меня ни разу не приняли в художественное училище, хотя я поступал туда девять раз.

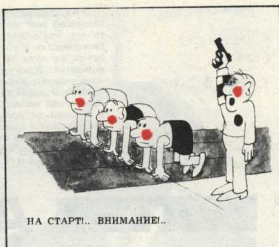
Потому что я, несмотря ни на что, всегда продолжал рисовать и писать красками и нарисал несметное количество рисунков и картин, имея за счет своей бедной матери, которой скоро исполнится сто два года.

Потому что потерял зря уйму времени, но только сейчас это понял.

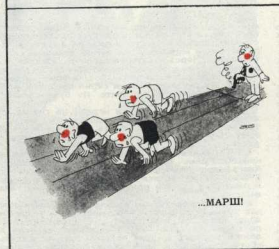
Потому что я не давал ничь другим людям, постоянно подсовывая им под нос свои произведения. Как ни когда в детстве своему отцу, когда он писал письмо, своей матери, когда она печла блины. И знаменитому художнику, когда он еще не совсем проснулся.

Рисунок В. БЛАНКМАНА

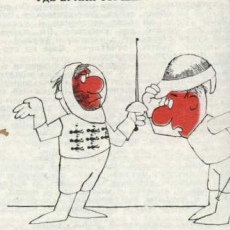
НА СТАРТ... ВНИМАНИЕ!

...МАРШ!

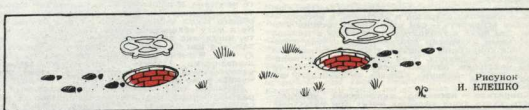
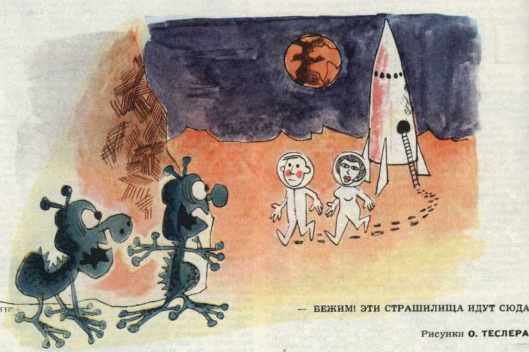

— ГДЕ БРАЛИ ТОРШЕР?

— БЕЖИМ ЭТИ СТРАШИЛИЦА ИДУТ СЮДА!

Рисунки О. ТЕСЛЕРА

Рисунки И. КЛЕПШКО

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, А-15, Вулянский проезд, 14.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНУ:

Для справок: Д 3-30-87; отдел литературы и искусства — Д 1-32-84; отдел очерка и публицистики — Д 3-31-03; международный журнал — Д 3-31-50; фотографии и спорт — Д 1-33-09; факс — Д 3-30-47; науки и техники — Д 3-31-08; студенческой молодежи — Д 0-48-08; информация — Д 3-31-08; оформление — Д 0-29-39.

Главный редактор В. И. Самехин.

Редколлегия: К. К. Андреев, Е. А. Дюплатовский, К. Н. Замощин, Е. М. Иванов [заместитель главного редактора], Р. Ф. Казакова, Б. П. Краевский [ответственный секретарь], А. С. Кудянов, Е. И. Рыбчинский, Г. В. Семенов, С. С. Самарнов, А. Б. Стуков.

Рукописи не возвращаются.

Оформление В. Соколова.
Технический редактор Н. Вуджина.

А 02345. Подписано к печати 3/VII 1965 г.
Тираж 900 000. Изд. № 1319.
Знак 1659. Формат бумаги 70 × 108¹/₂.

2 ум. л. — 5.48 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ДРУГУ- ЦЕЛИННИКУ

Музыка Бориса ФИГОТИНА

Слова Ефима ЧЕРНЫХ

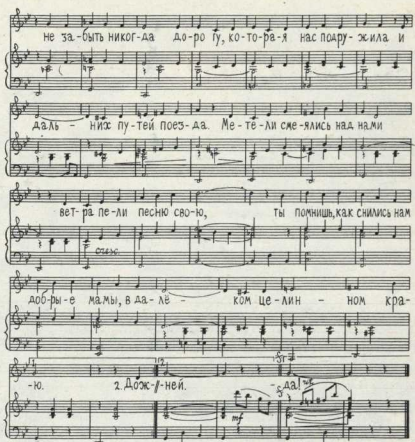
Неторопливо, задумчиво

Как будто давно это было,
Но нам не забыть никогда
Дорогу, которая нас подружила,
И дальних путей поезда.
Метели смеялись над нами,
Ветра пели песню свою,
Ты поминишь, как синились нам добрые мамы
В далеком целинном краю!

Дождем нас погода встречала,
А мы той погоде назло,
Упрямы, шли начинать все сначала,
Считая, что нам повезло,
Никто не хотел быть в стороне,
Шагали туда, где трудней,
И храбро сдвигая за трактор дочкини,
Порой обилие парней.

Ты поминишь, как мы устали,
Костры заменяли нам дом,
Как часто мы сами себе повторяли:
«Будь вышше, так, значит, дождем»,
Пусть веснаи годы крумятся,
Нас ждут впереди поезда!
В пути наша юность, ей вечно семнадцать!
И ей не стареть никогда!

КРОССВОРД

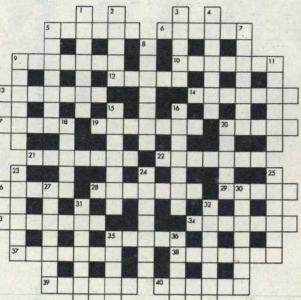
Составил В. ХОВАНОВ

По горизонтали:

5. Жанр каверной музыки. 6. Спортивный снаряд. 9. Курорт в Читинской области. 10. Государство в Африке. 12. Шнур, на котором крепится купол парашюта. 13. Комсомолец-партизанка, Герой Советского Союза. 14. Спортсмен, артист цирка. 17. Ионитическое издание. 19. Стиль в архитектуре. 20. Горная система на юге Сибири. 21. Новаторский соединивший военных кораблей. 22. Русский фотозащитник. 26. Водушевление, энтузиазм. 28. Зональное создание. 29. Паровозное повышение уровня океана, моря. 33. Специалист по вомонению судов, самолетов. 34. Приспособление для замедления скорости при прыжке с самолета. 35. Полотнище, укрепляемое на мачте судна. 37. Польский танец. 38. Самодвижущийся подводный снаряд. 39. Роман А. С. Новикова-Прибоя. 40. Гребная шлюпка.

По вертикали:

1. Советская пианистка-педагог, организатор музыкального училища. 2. Станктворная строфа. 3. Металлическая форма для изготовления деталей. 4. Прибор для измерения атмосферного давления. 5. Автор картины «Переход Суворова через Альпы». 7. Южное травянистое растение, крахмал. 8. Низкий мужской голос. 9. Горная порода, применявшая в строительстве. 11. Персонаж оперы П. И. Чайковского. «Черевички». 15. Русский фотозащитник, ученый, поларный исследователь. 16. Условная линия Земли на два полушария. 18. Прыжок Курю. 20. Система спортивной борьбы. 23. Столица Судана. 24. Яркое изложение содержания научной работы. 25. Минерал голубого цвета, поделочный камень. 27. Оригинал. 30. Маршрут альпинистов, проходящий по гребню хребта. 31. Художник, рисующий картины на бытовые сюжеты. 32. Промышленное предприятие. 35. Город на севере Исландии. 36. Искусственный драгоценный камень.

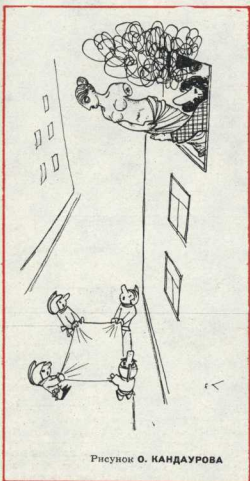
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 13

По горизонтали:

3. Мазер. 8. Гангезка. 9. Барометр. 10. Ассамблея. 11. «Антар». 13. Клет. 15. Адлер. 20. Сантагор. 21. Партизана. 22. Байосфера. 24. «Коновалов». 28. Самая. 29. Ванн. 31. Аурал. 32. Аккумулятор. 33. Фламинго. 34. Истребитель. 35. Шопен.

По вертикали:

1. Караганда. 2. Кербабаяв. 4. Латынина. 5. Легер. 6. Полюк. 7. Аттегст. 12. Атмосфера. 14. Лейтмотив. 16. Давар. 17. Бижур. 18. Ваван. 19. «Арпю». 23. «Исторический». 25. Арнамас. 26. Калтаков. 27. Валавирова. 30. «Налива». 31. Антик.

Рисуюи О. КАНДАУРОВА